

ВЯЧЕСЛАВ КОЗЫРЕВ
СУПЕРСОЛДАТ
Секретное оружие

Вячеслав Козырев

Суперсолдат. Секретное оружие

«Издательские решения»

Козырев В. М.

Суперсолдат. Секретное оружие / В. М. Козырев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855626-5

Предлагаемая вниманию читателя книга «Суперсолдат. Секретное оружие» написана в жанре научной фантастики и показывает, как разработки, порой так и оставшиеся на стадии эскизных проработок, могли бы вести себя на поле боя. Перспективность подобных боевых систем, собственно говоря, и сподвигла в реальности разведки США и Англии вести самую настоящую охоту на конструкторскую документацию, опытные образцы и, что самое главное, — на самих конструкторов и разработчиков нового оружия.

ISBN 978-5-44-855626-5

© Козырев В. М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Суперсолдат. Секретное оружие

Вячеслав Козырев

Иллюстратор Алла Леонидовна Козырева

© Вячеслав Козырев, 2017

© Алла Леонидовна Козырева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5626-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Человеческая память имеет странное свойство отображать минувшее без оттенка тревоги. Будущее вызывает у многих неуверенность и даже страх перед неизвестными событиями, однако прошлое подобное пройденной дороге не таит в себе ничего неизвестного. Отдельные эпизоды минувшего могут вызывать горечь, сожаление и досаду, но никак не страх. Однако если разобраться, нет ли в безопасном минувшем чего-либо, что может иметь опасное продолжение? Не являются ли непонятные и странные события настоящего звеном в цепи, тянущейся из прошлого? Не запущены ли в минувшем механизмы, способные воздействовать на грядущее? И главное: разобравшись в некоторых загадках, хватит ли сил если не изменить, то хотя бы подкорректировать грядущие события.

Книга первая

Тридцатьчетвёрка содрогнулась от близкого взрыва. Смотровую щель полностью закрыл ливень из каких-то обломков и комьев земли. Командир приподнялся, пытаясь осмотреться. Грянул второй взрыв. Создавалось ощущение, что по танку поддали огромной кувалдой по днищу. Машина и её экипаж были ещё живы и стальной зверь, развернувшись на вражеской траншее, грохнул залпом своего орудия. Ближний бункер, возле которого словно медведя обложили немецкие солдаты наш Т-34, треснул почти пополам от прямого попадания заряда. Тридцатьчетвёрка рванула вперёд, но один из германцев, вынырнувший откуда-то снизу, пропихнул под правую гусеницу здоровенный, похожий на каравай кругляк мины и побежал прочь. Пулемётная очередь переломила солдата пополам. Грянул взрыв. Стальной зверь, получив тяжелейшее ранение, тем не менее, был жив и продолжал сражаться. Экипаж вёл пулемётный огонь по едва различимым в дыму позициям врага. Атака немцев, похоже, захлебнулась, и экипаж, обездвиженный в своей боевой машине, продолжал вести бой, надеясь на идущее следом подкрепление. Развалины, находившиеся примерно в пятидесяти метрах от танка, походили на разбитый вдребезги кувшин с чудом уцелевшим доньшком. Расчет солдат в камуфлированных масках тихонько выставил в пролом стены ствол крохотной, почти игрушечной пушки. На её стволе виднелась шишка надкалиберного снаряда. Тридцатьчетвёрка разворачивала башню вправо, когда крохотное орудие выплюнуло свой заряд по противнику [1]. Грохнул сильнейший взрыв. Вспышка ослепила механика-водителя танка. Жуткая боль, внезапная ослепительная вспышка, разрезавшая темноту пополам, крики горящих заживо товарищей и мгновенная темнота и тишина.

Василий цеплялся за ускользавшее сознание, пытаясь будто вынырнуть из накатывавшего на него мрака. Реальность постепенно превратилась в набор цветных пятен, которые хаотически вращались перед глазами. Кто-то говорил по-немецки. Василий, не понимая почему он не чувствует своего тела, пытался кричать, но кроме назойливого вражеского бормотания он ничего не слышал. Потом была непрерывающаяся качка и тряска. Внезапно Василий оказался в своём детстве в кузнице отца, где частенько бывал совсем крохотным мальчишкой, и потом, набрав немного силёнок, помогал батьке, качая меха и очищая горн.

Кузница исчезла. Вновь немецкие голоса и внезапная чётко ощутимая боль в правом плече. Такая боль, что Василий попытался взвыть. Бесполезно. Он будто был прикован. Ни руки, ни ноги его не слушались. Внезапно он оказался в лесу, где часто собирал ягоды и грибы

со старшей сестрой. Сестрёнка показала ему на куст малины, который вдруг начал превращаться в германский танк.

«Беги! Беги, сестричка!» – мысленно кричал Василий.

Танк продолжал расти и занимать практически всё свободное пространство. Всё вокруг запульсировало и сжалось в ярко светящуюся точку.

– Хорош... Что ж, экземпляр не из худших. Поздравляю! Готовьте его.

Василий различил германскую речь и с остервенением вспомнил о гранате Ф-1, которую всегда держал для близких знакомств с немчурой [2]. Острая боль в руке прервала его мысли, и очень быстро на него навалилось какое-то тягучее бессознательное состояние. Хуже всего было то, что он не мог теперь ни на чём сфокусировать своего внимания. Образы были настолько эфемерны и одновременно неопишуты, что сознание Василия плыло по хаотическому нагромождению бредовых видений, подобно лодке. Сколько продолжалось подобное состояние Василий оценить не мог, но внезапно оно сменилось чёткой тупой болью практически во всём теле.

«Хотя бы какая-то определённости...» – Василий попытался открыть глаза. Было ли это продолжением бреда или последствием контузии после взрыва понять было невозможно. Василий видел, что находится в белой комнате без окон и с практически голыми стенами.

«Где же я?» – он попытался осмотреться. Резкая боль и хруст где-то в шее заставили его быть более осторожным. Тело пульсировало тупой болью. Он скосил глаза на нос.

– Что это?! – то, что он увидел, было не менее непонятно, чем виденные прежде бредовые кошмары: на том месте, где по логике вещей должен был находиться розовый нос картошкой, было нечто, матово поблескивающее железом. – Что это? Я видно в лазарете. Наверно полопался сильно. Или обгорел. Что-то на лице – это видать что-то медицинское, – он попытался наклонить голову. Что-то мелодично зажужжало. Голова медленно, почти без боли наклонилась, поднимаясь над подушкой. Что-то странное было в его движении: шея почти не напрягалась, будто её что-то поддерживало изнутри. Он расслабил мышцы и понял, что голова осталась в том же положении, то есть поднятой над подушкой.

– Как это? – Василий с усилием попытался положить голову обратно. Вновь мелодичное жужжание. Голова вернулась в первоначальное положение. – Не понимаю... – он попытался оценить, чувствуют ли его руки и ноги, и целы ли они. Боль разлилась по всему телу, но её можно было терпеть. Он сосредоточил своё внимание на правой руке. Попытался сжать пальцы. Послышался металлический щелчок, и вновь подняв без усилия голову он увидел, как под белой простынёй, которой был накрыт почти до подбородка, в районе кисти правой руки зашевелилось что-то бесформенное. Поднять руку он не смог. Причиной тому была звякнувшая блестящая цепь, которая тянулась куда-то вниз.

«Понятно...» – подумал Василий.

Станным было то, что он не чувствовал тяжести оков, которые без сомнения были не из бархата. По всей вероятности кожа на руке обгорела. Возможно... Василий попытался схватить пальцами простыню. Вновь железный щелчок. Он сперва не понял, удалось ли это ему, но вот простыня пошла складками и через некоторое время тихонько поползла. Василий продолжал прихватывать её пальцами и тянуть, на сколько позволяли кандалы, которые оказывается фиксировали его тело с другой стороны, прямо к белой стене, в которую для этой цели был вбит здоровенный крюк, загнутый для надёжности кольцом.

Простыня достаточно по расчетам Василия обнажила левую руку и он, максимально изогнув шею, посмотрел на то, что прежде было рукой. Для того чтоб понять, что эта непонятная конструкция, похожая на клешню средневекового рыцаря, не является здоровой человеческой рукой, не надо было иметь медицинского образования. Василий с удивлением и отвращением приказал левой руке пошевелиться. Клешня слушалась! Он продолжал ощущать свою левую руку, но не чувствовал её! Минут пять он в пределах, в которых позволяли кандалы, дви-

гал клешней туда-сюда. Внезапно раздался скрежет отодвигаемого засова. Василий опустил руки-клешни и опустил голову на подушку. Стальная дверь с узкой смотровой щелью, выкрашенная белой краской, медленно приоткрылась, пропуская в помещение, где находился Василий, невысокого типа в белом халате и круглых очках-окулярах на лысой макушке. Тип как-то боком протиснулся внутрь и опустив очки на нос с опаской устался на Василия.

– Оч... Оч... – тип крякнул, прочищая горло и наконец проговорил: – Очухался?

Василий оглядел типа и произнёс, удивляясь необычному звуку собственного голоса:

– Если это можно так назвать...

Тип приободрился и подошёл ближе:

– Нуте-с, как самочувствие?

– Что со мной?

Тип усмехнулся.

– Я что, в плену? – Василий двинул рукой.

Тип отскочил к стене.

– Не двигайся... Тебе это вредно... Ты не просто в плену. Тебе спасли трижды ненужную шкуру... Что я собственно говорю? Запомни одно и самое главное: от твоего дальнейшего поведения зависит твоя жизнь.

– Врагу никогда не прислуживал!

– Теперь это для тебя не враг!

– А кто?! Мать родная?!

– Не горячись и не будь идиотом!

– А ты-то сам? Здоров или попал сюда как я?

– Я? – тип приосанился, – я служу в РОА!

– Где?

– Об армии генерала Власова слышал?

– Предатель... – с презрением процедил сквозь зубы Василий.

– Не предатель, а освободитель от большевизма!

– Кого? И какой ценой? Ценой крови русской?

– Дурак! Наша кровь тоже русская. Ну да ладно. Ты сейчас никто! Моя задача – объяснить тебе это!

– Я всё ещё солдат Красной Армии!

– Ты не понимаешь! Я покажу тебе! – тип в окулярах постучал в дверь и что-то проговорил в щель по-немецки.

Оглянувшись к Василию, он продолжал:

– Сейчас ты всё поймёшь! Для тебя война, и в первую очередь фюрер, предоставили возможность изменить всё, что прежде было известно о ведении боя!

– Боя против таких, как ты!!!

– Оставим до поры до времени этот спор...

Дверь вновь приоткрылась, и Василий увидел солдат в форме вермахта, принесших большое зеркало.

– Дальше я сам... – сказал лысый тип, кряхтя и забирая у них зеркало. Дверь вновь захлопнулась. Лысый одной рукой придерживая зеркало, второй сдёрнул простыню с Василия и, перехватив зеркало, повернул его так, чтоб Василий мог себя разглядеть.

Отчаяние, злость и бессилие что-либо изменить – вот те чувства, которые нахлынули на Василия волной при виде того, что осталось от его тела. Оно было, но только часть его виднелась под переплетениями каких-то подводок и трубок. Провода торчали из его груди, до половины закрытой стальной пластиной. Ниже сталь, сталь и какие-то жуткие конструкции. Ноги... Это не его ноги!!! Это вообще трудно назвать ногами! Какие-то стальные конструкции,

подобные он видел только у экскаваторов на стройке. Да и заканчивались они не ступнями, а какими-то когтистыми ступами.

– Нет! Не-е-е-т! – кричал Василий не в силах отвернуться от своего лица, покрытого стальными накладками.

***

Сирена дважды проревела, и Шон слушал, как бегут матросы, занимая перед погружением боевые посты. Поправив повязку на глазах, он перевернулся на правый бок и попытался расслабиться, чтоб хоть немного поспать перед высадкой.

Загребели закрывающиеся люки, лодка заглушила дизеля, и через мгновение заработали электродвигатели. Гигантский созданный людьми стальной кит плавно погрузился под воду, оставляя за собой пенный след. Через несколько минут уже ничто не могло выдать двигавшуюся под толщей воды лодку.

Для успешного проведения операции было необходимо скрытно проникнуть как можно ближе к логову противника ничем не обнаруживая своего присутствия в сильно охраняемом районе. Германцы уже были не столь сильны на море, как в начале войны, и можно было атаковать немногочисленные корабли, находящиеся на патрулировании, но сейчас экипаж лодки шёл не на охоту. Субмарина была переоборудована для проведения спецоперации и имела довольно нестандартный вид: на передней палубе были смонтированы два гермоконтейнера борт к борту, похожие на две стальные сардельки. Содержимое контейнеров находилось в строжайшем секрете, и мало кто из матросов экипажа знал о возможностях новых диверсионных средств, до поры замурованных внутри каждого контейнера.

Выйдя в заданный район, лодка застопорила ход и плавно легла на грунт, ожидая наступления сумерек. Шон дремал, путая реальные образы с порождениями сна. Вот он на отцовском ранчо в Техасе с братьями возле поломанного трактора, который грохнул о стену младший Джонни.

– Эх, врезать бы тебе за эти выкрутасы! – Шон замахнулся, чтоб поддать по измазанной физиономии брата, но видя понурое выражение виновника, смягчился. Внезапно Джонни пробасил:

– Шон! Шон! Пора! Просыпайся!

Ничего не понимая, Шон вскочил, треснувшись головой. Содрав с лица повязку, он наконец вернулся к реальности. Толстая физиономия матроса улыбалась, радуясь неожиданной реакции Шона.

– Да, да... одну секунду... – Шон потёр лицо руками, отгоняя последние остатки дремоты и принялся приводить себя в порядок. Пока лодка продувала балласт, Шону помогали облачиться в трофейный германский водолазный костюм, который посчастливилось достать англо-американской разведгруппе. Даже нательное бельё и вязаный свитер тоже были германскими. Достигнув поверхности, командир лодки принял решение начать высадку. Матросы побежали к контейнерам и под руководством техников отдраили люки. От левого контейнера понеслись ругань и приглушённые возгласы: при подводном ходе нарушилась герметичность и была повреждена фиксация «колесницы» – как называли её англичане, предоставившие пару образцов для сюрприза германцам [3]. Шон и его товарищи, которые проходили спецподготовку, погружаясь и плавая под водой на этих диверсионных средствах называли их неприлично, но довольно близко по значению к названию, которое дали этим аппаратам их изобретатели – итальянцы. Те их нарекли поросятами. Правый аппарат был в полном порядке, и Шон со своим водителем выбрались на палубу ожидая, когда матросы и техники вытянут его из контейнера на специальное ложе. Через несколько секунд матросы бочком, похлопывая Шона и Майка по плечам на удачу, освободили палубу. Остались только два техника в резиновых

костюмах и масках для погружения под воду. Заняв свои места: Майк – впереди, Шон – сзади, диверсанты были готовы к выполнению задачи. Техники дали знак наблюдавшему за ними экипажу, что всё в порядке, и лодка медленно стала погружаться. Когда вода дошла Шону до груди, техники освободили их аппарат из фиксаторов, и он закачался на волнах. Толкая его чуть дальше от лодки, техники были похожи на больших саламандр. Майк включил двигатель и махнул рукой. Техники поплыли обратно, а Шон помахал на прощание экипажу, который был еле виден в стекло маски. Поросёнок понёс их прочь от родной лодки по морским волнам навстречу неизвестности. Через три минуты хода на поверхности Майк, сориентировавшись, открыл клапан, и поросёнок погрузился под воду. Холодок побежал по спине Шона, когда плотная среда обхватила его тело, и волны сомкнулись у него над головой. В подводном положении они должны были миновать боновые заграждения и приблизиться к берегу не вызывая подозрения у германцев. Аппарат шёл экономным ходом, чтоб сберечь энергию аккумуляторов, ведь высадиться должен был только Шон, а Майку предстояло вернуться назад и включить акустический буй, чтоб его нашла лодка. Поросёнок содрогнулся от подводного удара. Майк отключил двигатель и аккуратно рукой оттолкнул якорную мину, попавшуюся им на пути. Шон выставил руки и коснулся корпуса мины, помогая товарищу отодвинуть от их аппарата неожиданное препятствие. Им очень повезло, ведь если бы мина была чуть ниже, то их задание уже бы закончилось при весьма трагических обстоятельствах. Мина стукнулась как раз в защитный козырёк, за которым сидел Майк. Осторожно миновав чёрный шар мины, диверсанты самым малым ходом двинулись вперёд, увеличив глубину погружения ещё на пару метров. Несколько минут спокойного хода на новой глубине напомнили Шону о бесконечных тренировках, во время которых инструкторы готовили диверсантов не только к физическим, но и к психическим нагрузкам. При подобных погружениях нужно было забыть слово паника, единственное, на чём диверсант должен был сконцентрировать свою волю – это выполнение задания. Некоторые тренировки требовали почти ювелирной работы в очень суровых условиях. Чего стоили занятия по установке магнитных мин в условиях практически полного отсутствия видимости – нужно было почти вслепую, наощупь ввинчивать штоки взведения химических взрывателей. Вспомнились погружения и занятия с использованием водолазного колокола, при проведении одного из них, они чуть не потеряли Стива, хорошо, что рядом был инструктор. Поросёнок плавно шёл вперёд, разрезая своей тушкой водный полумрак, подсвеченный снизу каким-то призрачным свечением. Только где-то наверху переливались лунные блики на водной поверхности. Неожиданный мягкий толчок заставил Шона наклониться вперёд. Поросёнок наскочил на противоторпедную сеть. Майк заглушил двигатель, покинул своё место и держась за корпус торпеды двинулся к контейнеру с инструментами, находившемуся за местом Шона в специальном обтекателе. Шон приподнялся на своём месте, когда Майк с прикреплёнными к руке ременной петлёй ножницами, проплыл мимо. Сев верхом на носовую часть торпеды, Майк, держа ножницы обеими руками, не спеша резал ячейки одну за другой, а Шон фиксировал положение поросёнка, относительно сети. Наконец, проход в сети оказался достаточным для проникновения в охраняемую область, и Майк с Шоном протолкнули носовую часть торпеды через прорезанную дыру в сети. Когда передний защитный козырёк был по другую сторону сети, Майк протиснулся вперёд и, находясь с другой стороны заграждения, помогал протолкнуть торпеду. Шон старался, чтоб кормовая часть торпеды с гребным винтом и управляющими плоскостями спокойно прошла через прорезь в сети, и её обрывки не зацепились за лопасти. Тяжёлый поросёнок наконец проскользнул через препятствие, и диверсанты, заняв свои места, двинулись дальше. Окончание подводного путешествия было совсем близко. Торпеда подходила к мелководью. На глубине, позволявшей Шону воспользоваться содержимым носового контейнера торпеды, Майк застопорил ход и дал знак товарищу. Вдвоём они отсоединили носовой контейнер, начинённый всем необходимым для успешного выполнения Шоном операции, как вдруг поросёнок выкинул один из своих дурац-

ких фокусов: лишённая дополнительного веса торпеда, получив дифферент на корму, стала подниматься. Майк, моментально стравил воздух, вернув поросёнка в надлежащее положение. Шон, держась за контейнер рукой, помахал на прощание отплывавшей задним ходом плохо различимой в толще воды неясной массе торпеды, ведомой Майком к родной подводной лодке. Стоя по плечи в воде, Шон развернул контейнер боком к берегу и покатил его по дну. Масса спецоборудования была невелика, поэтому контейнер ворочался довольно легко. Пару раз он наскакивал на более-менее крупные камни, и Шону приходилось наваливаться на него всем весом, чтоб преодолеть препятствие. Видимый впереди валун, торчащий из воды почти у самой кромки моря, мог послужить неплохим ориентиром для размещения возле него контейнера. Ведь после выполнения операции Шону нужно будет воспользоваться им ещё раз. Контейнер заскрежетал на очередном камне, попавшемся на пути. Шон навалился всем весом и внезапно почувствовал, как дно будто просело под его ногами. Остановившись, он опёрся о контейнер и почувствовал, что его мутит. Сняв маску дыхательного аппарата, благо глубина позволяла это сделать, он вдохнул полной грудью свежий морской воздух. Пелена перед глазами не пропала. Всё ещё опираясь на контейнер, Шон несколько раз умылся холодной водой. По всей вероятности, это недомогание было следствием неисправности дыхательного аппарата. Движение под водой было не очень долгим, и ресурсы дыхательной системы не должны были так быстро закончиться.

– «Как там Майк?» – подумал Шон, ведь случись такая гадость с ним, ему было бы гораздо труднее. Правда, поросёнок имел в своём запасе один резервный аппарат, но всё равно приятного мало. Прикинув визуальное расстояние до валуна, Шон собрал свою волю в кулак и двинулся дальше. Теперь шаги давались с большим трудом, чем прежде, но выхода не было. Добравшись, наконец до валуна, он долго стоял, прислонившись к нему спиной и приходя, насколько это возможно, в себя. Вода теперь доходила до самого среза герметического люка контейнера, что позволяло более-менее спокойно воспользоваться его содержимым. Наконец, немного отдышавшись, Шон стал снимать с себя гидрокостюм. По колено в воде, да ещё в состоянии, похожем на тяжёлое похмелье, это было не просто. Наконец, с костюмом было покончено и Шон, уложив его на дне, придавил камнем. Сев верхом на контейнер, он отщёлкнул фиксаторы гермолюка и открыл его. Контейнер почти не пропустил воды, хотя некоторое количество её всё-таки просочилось. Главное – это то, что содержимое контейнера было в сохранности. Достав оттуда рюкзак, и пакет с одеждой и оружием, он, заглянув внутрь, осмотрел свой запасной дыхательный аппарат. На него была вся надежда. Если аппарат подведёт, то ему придётся очень туго. На вид всё было в порядке. Задрав люк контейнера, он как смог пристроил выкрашенный серым камуфляжем «под камень» контейнер за валуном, со стороны открытого моря. С расстояния метров десять, его можно было принять за обросший водорослями обломок скалы. Теперь, остаётся только добраться до берега и там, по возможности, найти укрытие и немного отдохнуть. Правда, были ещё стимуляторы, находившиеся в аптечке, но Шон не хотел пичкать себя химией. Пройдя по каменистому пляжу, он дошёл до круто обрывавшегося берега. Разорвав пакет, Шон оделся и проверил оружие – мощный пистолет, снабжённый глушителем. Тут было всё в порядке. Если бы не мерзкое состояние, то можно было бы сказать, что всё идёт почти идеально. Наверху росли три дерева, образуя естественный навес. Этим природным укрытием и решил воспользоваться Шон чтоб отдохнуть хотя бы несколько часов и дожидаться рассвета. Взобравшись на крутой холм, он расположился у основания толстых стволов и расслабился. Где-то вдалеке была слышна песенка какой-то ночной птички. Шон положил за пазуху пистолет и закрыл глаза. Постепенно он впал в дремоту. Сон, сначала зыбкий, неглубокий, то и дело смешивал явь с дремотными образами. Наконец, Шон погрузился в круговорот предшествовавших его высадке на вражеский берег событий. Странный то был сон, похожий на дежа вю. То и дело возникало ощущение нереальности происходящего во сне, и возникала мысль, что это уже когда-то было, но совсем не так. Наконец,

совсем уж неприятным было видение сержанта, который почему-то лез Шону за воротник и как-то по дурацки его щекотал. Шон вздрогнул и проснулся. Было уже утро. Рассвет он проспал, но зато от неприятной дурноты не осталось и следа. Было ещё что-то, что беспокоило. Шон полез за воротник рукой и достал оттуда крупную гусеницу. Отшвырнув её в сторону, он встал, потянулся и осмотрелся. Солнце стояло уже довольно высоко, день обещал быть жарким, и чистое без единого облачка небо было тому подтверждением. Достав из рюкзака карту, напечатанную на куске шёлка, Шон сориентировался. Выходило так, что отклонение от места высадки всё-таки было, правда не очень значительное, но нужно было сделать поправку. В этом месте вполне могли быть германские патрули. Чуть дальше совершенно точно, базировалось какое-то артиллерийское подразделение. Объект, который являлся целью высадки Шона, находился восточнее, на приличном удалении от береговой линии. Его обширная площадь и форма центрального бункера, после получения первых донесений от осведомителей, постоянно уточнялись. Вот и вчера была произведена повторная аэрофотосъёмка громадного бункера якобы сбившимся с пути бомбардировщиком, в то время как основное подразделение летающих крепостей кромсало мало заслуживающее такого пристального внимания расположение артиллерийской части. Карта, предоставленная в распоряжение Шона, была точна, но фотография бункера, впечатляла гораздо больше. Дело было не только в размерах секретного объекта, из фотографии было ясно видно, что возле бункера находится обширный полигон, какие-то небольшие вспомогательные строения, и ещё что-то. Но самым странным было то, что объект не имел никаких подходов, ни дорог, ни чего-либо похожего на тропы. Тем не менее, жизнь на полигоне и в секретном бункере без сомнения была ключом. Сведения, которые были получены от нескольких бежавших заключённых и от осведомителей, давали довольно жуткую картину происходящего под огромными бетонными перекрытиями объекта. Сначала командование даже сочло эти сведения дезинформацией, но данные, полученные в разное время и от разных людей, совпадали. Шон свернул карту и двинулся на северо-восток.

– Сейчас немного прохладно, но вероятно к полудню станет жарче, – подумал Шон, поправляя рюкзак с притороченным к нему скатанным пятнистым плащом. Впереди был лес, и Шон, оглядевшись по сторонам, углубился в тень деревьев. Стараясь не производить лишнего шума, Шон шёл, стараясь не расслабляться видами ярких лесных цветов, которые будто манили прилечь на крошечной полянке, положить руки под голову и вот так лежать и смотреть в небо на проплывающие барашки облаков. Шон остановился, дотянулся рукой до бокового кармана рюкзака, вытянул фляжку и отхлебнул.

Лесок быстро закончился, и впереди за последними деревьями показалась внушительная изгородь из колючей проволоки.

– Так, первое препятствие, – проговорил Шон, снимая рюкзак и отстёгивая плащ, – а мы, вот так. – И он постелил плащ поверх неприветливых железных колючек. Перекинув рюкзак, он перебрался через препятствие и сразу же пожалел о своей поспешности. Впереди, сразу за колючей проволокой было широкое поле, за ним лес. Среди ярко-зелёной травы то и дело можно было заметить столбики с надписью на немецком языке: «Осторожно, мины!»

Единственной возможностью решить эту задачу – было следовать вдоль колючей проволоки по тропе, протоптанной германскими патрулями. Посмотрев вдоль тропы в одну, затем в другую сторону, Шон увидел выходящих из-за дальних деревьев двух немецких солдат и пригнувшись бросился в ближайшую канаву под одним из столбиков, поддерживавших колючую проволоку. Для полной маскировки Шон накрылся с головой камуфлированным плащом. Достав и сняв с предохранителя пистолет, он стал ждать. Ожидание тянулось бесконечно долго, и Шон уже подумал, что германцы заметили его и стоят теперь рядом, ухмыляясь и держа автоматы наготове чтоб сделать из него решето. Он прислушался. Ничего. Становилось жарко, и Шон рискнул приподнять тихонько плащ, чтоб глотнуть свежего воздуха и осмотреться.

Тропа шла в трёх метрах от того места, где лежал Шон. Два германских солдата, идя вразвалочку и громко споря, поравнялись с местом, где прятался Шон.

– Ты жмот, Курт! Самый распоследний!

– Вовсе нет. Пойми ты, пойми! Не могу я сейчас дать больше!

– Ставки всегда стандартные! Ты не можешь обмануть ребят!

– Не могу я сейчас, в другой раз – да! А сейчас – нет!

– В другой раз! Можно подумать, что подобное развлечение – это тебе какой-нибудь театр. Тут ведь трудно всё запланировать.

– Согласен, но сейчас ведь бои стали довольно часты...

– Главное, чтоб командование не узнало! А ты всё-таки жмот! На что ты копишь? Нас ведь даже в бордель не пускают! Сидим как крысы! Единственное развлечение – бои!

– Не только...

– А что ещё?

– Мы ведь не на передовой.

– Правильно! Но денег всё равно надо ставить больше.

– Вот кровосос!

Второй солдат вздрогнул и проговорил, останавливаясь:

– Заткнись, и не вспоминай его! Забыл, что он натворил в казарме?

– Забудешь такое, как же! Только ведь мы-то ни при чём. Выпустили-то его не мы.

– Правильно. Но расплатились-то наши ребята!

– Эх! Даже вспоминать жутко!

Солдаты, уже лениво переговариваясь, брели по тропе в восточном направлении туда, где лес почти вплотную подходил к колючей проволоке. Шон, дождавшись когда они отойдут на достаточное расстояние, пригнувшись короткими перебежками двинулся следом. Идти за германцами, то и дело ныряя в траву, было крайне неудобно, учитывая наличие рюкзака. Но вот тропа, по которой шёл патруль, углубилась в лес. Шон с удовольствием распрямился за первым же толстым деревом и отёр с лица пот. Германцы были так увлечены своим разговором, а возможно просто были уверены в том, что никто не попытается пересечь заграждение рискуя нарваться на мины, что ни разу не оглянулись. Всё это было на руку Шону, который, перебегая от ствола к стволу, старался не терять германский патруль из виду. Под сенью деревьев воздух был чистый и пах терпкими лесными цветами. Единственной проблемой был чрезмерно разросшийся кустарник и груды сухих веток, которые грозили хрустнуть при неосторожном движении диверсанта. Тропа, шедшая через лес, оказывается имела ответвление, уходившее налево, в направлении северо-запада. Патруль свернул на боковую тропу и двинулся в направлении, где, судя по карте, находился секретный бункер.

– Всё оказывается несколько проще, чем казалось сначала, – подумал Шон, срывая и нюхая крохотный фиолетовый цветок, – возможно я сумею проникнуть на объект у них на плечах.

Обойдя дерево, он вздрогнул: на него смотрел столбик «Осторожно! Мины».

– Рано я расслабился, – решил Шон, переходя ближе к тропе, по которой шёл патруль. Вероятно, мины были и в лесу. Вот в чём причина беспечности патруля. Отойдя от заветной тропы, любой, попавший в охраняемую зону, рисковал разбросать свои запчасти с фейерверком по окрестным деревьям. Тем временем, один из солдат поднял палец вверх и сказал товарищу:

– Курт, быстро представь, что у тебя телефон, и ты мне звонишь! Ну, давай!

– Зачем это?

– Ну, давай же!

– Ладно, – согласился солдат и сделал вид, что крутит диск телефона.

Второй вытянулся, сделал вид, что хочет поднять трубку и вдруг громко пустил на высокой ноте ветры.

– Аллэ! Это, судя по запаху, Курт звонит? Курт, ты жмот! – оба разразились взрывом хохота.

– Шутники... – проговорил Шон, наблюдая из-за дерева за выкрутасами солдат.

Те гогоча двинулись дальше. Но то, что произошло в следующий момент – удивило Шона. На тропе прямо посередине торчал указатель о наличии мин.

– Куда же дальше? – Шон следил за действиями солдат, которые как ни в чём не бывало закурили, и один даже присел на пень, стоявший рядом с указателем, а второй подошёл к раскидистому дубу, стоявшему в стороне. Потрогав кору, он неожиданно открыл дверцу и извлёк из недр дерева телефонную трубку.

– Ребята, просыпайтесь, тут патруль! Пропустите нас, – и он добавил слово, которое по всей видимости было паролем, но звучало так, что Шон вряд ли бы повторил его с первого раза, даже если бы видел его написанным на бумаге. Вероятно, это было латинское слово. Нарушая тишину леса, трижды прогудел сигнал, похожий на автомобильный гудок. Солдат убрал трубку, закрыл дверцу и, махнув рукой товарищу, смело двинулся по заминированной тропе. Второй, вскочив с пня, бросил окурки и придерживая рукой свой СТГ-44 побежал за товарищем [4]. Шон не стал задерживаться и когда солдаты отошли достаточно далеко, перебежал за столбик с указателем. Догнав солдат и спрятавшись за расщеплённым стволом, Шон услышал у себя за спиной тот же сигнал, но повторённый дважды.

– Занавесь! – пошутил один из солдат, шедших впереди.

«Неплохо бы найти в вашем занавесе дырку для выхода. Вряд ли вы меня просто так выпустите!» – Шон спрятался за деревом видя, что солдат указал рукой назад.

Выглянув повторно, он увидел, что солдаты ушли довольно далеко вперёд, и выскочив из-за укрытия перебежал на другую сторону тропы. Периодически останавливаясь и рассказывая друг другу разнообразные байки, солдаты двигались в нужном Шону направлении. По его расчётам, до объекта было ещё примерно мили две, может чуть меньше. Вдруг на пути патруля, среди тоненьких деревьев, обрамлявших тропу с обеих сторон, стал виден серый прямоугольник. Солдаты, перестав травить байки, поправили мундиры, приосанились и более чётким шагом двинулись к неясно видимому сквозь заросли сооружению. Шон перебежками от ствола к стволу, наконец, приблизился ближе к непонятному сооружению, которое оказалось не прямоугольником, а призмой из бетона, снабжённой мощной стальной дверью-люком, на проклёпанной поверхности которой не было видно ни рукояти, ни какой либо щели, ни чего-нибудь, за что можно было бы уцепиться, чтоб поднять эту дверь-люк. Солдат, которого звали Куртом, откинул металлическую крышку на бетонной поверхности призмы, рядом с дверью-люком и нажал кнопку.

– Патруль прибыл! – сказал он, наклонившись к системе связи, находившейся под крышкой.

– Понятно, открываем! – раздался голос из под крышки, и практически одновременно с этим послышался гул электромотора, и массивная дверь-люк медленно стала приподниматься, открывая ярко освещённый проход куда-то вниз. Лестница со стальными толстыми перилами была похожа на корабельную. Солдаты один за другим спустились вниз по лестнице, и дверь опустилась на место.

«Ну, вот что теперь делать?» – Шон посмотрел на исчезающую щель света под дверью, – «Видно наши с вами пути разошлись. Ладно. Дальше пойду в одиночестве».

Осторожно выйдя из-за укрытия, Шон пристально осмотрел бетонную призму, опасаясь каких-нибудь систем наблюдения.

Беспокойства были напрасны: призма стояла как монолит, не выказывая ни какого интереса к персоне Шона. Обойдя её кругом, Шон двинулся дальше по направлению к объекту,

непрерывно глядя себе под ноги и опасаясь нарваться на мину. Сюрприз не заставил себя ждать: через пару сотен метров, диверсант наткнулся на серьёзную электрическую изгородь, вероятно опоясывавшую весь секретный объект.

Это был действительно очень неприятный сюрприз. С внешней и внутренней стороны периметра была вырублена просека, но с внутренней стороны обычной в подобных случаях контрольно-следовой полосы не было. Вероятно, германцы не хотели демаскировать свой объект, а может быть просто чрезмерно полагались на свои мины. Мины, конечно, были серьёзным аргументом, но ведь он, Шон, проник через них. Правда толку от этого пока было очень мало. Шон двигался вдоль изгороди пока не наткнулся на вековой дуб, который имел весьма внушительный ствол и стоял довольно близко к изгороди.

– Вот этим, пожалуй, можно и воспользоваться... – тихо сказал Шон и не спеша раскрыл свой рюкзак и извлёк части арбалета. Сев под дубом он смонтировал древнее оружие и достал предназначенную для особых случаев кошку-болт. Вытащив бухточку лёгкого, но прочного троса, он продел свободный конец в кольцо кошки и получил вдвоенный трос. Закрыв рюкзак, одев арбалет на плечо, он раскрутил кошку и закинул её в развилку ветвей дуба. Сгруппировавшись, Шон, хотя и с превеликим трудом, но всё-таки влез на дерево. Разместившись на дереве, он пристроил рюкзак и освободив кошку-болт, стал заряжать арбалет. Когда оружие было на взводе, он вложил в арбалет кошку с продетым в кольцо тросом и прицелился, ища на противоположной стороне подходящую мишень.

Выбрав нужное дерево, он расположил трос так, чтоб кошка при полёте свободно увлекла его за собой. Успокоив слегка дрожавшие после лазания по дереву руки, он выстрелил. Кошка молнией перелетела на другую сторону изгороди и влетев в крону дерева, угодила между крепких веток.

– Идеально. – проговорил Шон и подтянув трос, скрутил один конец в бухту и перекинув другой через одну из почти вертикально торчавших веток, связал их вместе. Получилось некое подобие канатной дороги. Привязав сперва рюкзак, он стал осторожно переправлять его на ту сторону. Понемногу продвигаясь вперёд, пятнистый рюкзак скоро оказался на дереве по ту сторону изгороди. Настала очередь Шона. Попробовав ещё раз на прочность трос, он, перекинув через него ноги, осторожно полез на ту сторону периметра. Лезть было трудновато: постоянно сверлила мысль о надёжности троса и возможной величине напряжения изгороди внизу. Наконец, Шон был вместе со своим рюкзаком на другом дереве. Отвязав рюкзак и достав из него бинокль, Шон одел его на шею. После этого осторожно отпустил рюкзак, и тот упал вниз, чем-то при этом брякнув. Развязав трос, Шон, держа скрученную бухту в руках, отпустил свободный конец и быстро-быстро стал сматывать трос в бухту. Что-то щёлкнуло на изгороди – вероятно трос что-то там задел. Посыпались искры, и Шон, опасаясь, что германцы придут к месту его высотных работ, белкой слетел вниз, подхватил рюкзак и, на ходу сматывая трос, бросился бежать. Через несколько десятков метров, Шон залёг и убедился в том, что германцы действительно решили полюбопытствовать, что там произошло с их изгородью. Среди прибывших к месту переправки через изгородь, были и его недавние знакомые солдаты.

– Будет вам о чём посудачить. – подумал Шон видя, что германцы сочли срабатывание изгороди случайностью и собираются уходить.

***

– Ну, что, ты успокоился? – опасливо спросил лысый.

Василий, молча, глядел в потолок. После эмоционального взрыва наступила какая-то апатия.

– Скажи, – наконец проговорил он, – это что ещё один ваш бесчеловечный эксперимент? Лысый, немного подумав, ответил:

– Сперва ты скажи мне, что для тебя лучше? Гнить в обгоревших обломках твоего танка или получить возможность ещё немного пошагать по земле?

Василий посмотрел на лысого.

– Я так думаю, что пошагать-то мне вы как раз и не дадите. Мне рассказывали про то, что вы вытворяете.

– Вытворяете... А ты сам-то в это веришь? Ты сам-то, что видел? Ничего... А пошагать... Всё зависит от твоей сообразительности.

– Заканчивай свои паскудные загадки! Вы меня изуродовали. Теперь будете препарировать дальше? Или что? Для чего это вам нужно?

Лысый отставил к стене зеркало и посмотрев на смотровую щель в двери, сказал:

– Ты попал на секретный объект, где учёные Третьего рейха работают над усовершенствованием германского оружия.

– Вы что не нашли объекта для использования в качестве мишени? Я вам для этого понадобился?

– С тобой трудно говорить. Подумай сам. Стали бы тебя извлекать из танка, реанимировать и так далее. Не проще было бы оставить тебя там. Одним солдатом у Сталина стало бы меньше.

– Может, вы получаете удовольствие от сознания беспомощности жертвы. Может вам нравится видеть меня в таком состоянии!

– Я что? Похож на человека с подобными наклонностями?

– В отношении тебя мне достаточно знать, что ты – власовец. А о твоих наклонностях мне знать нет нужды.

– Ты упёртый, прямо как баран!

Василий непроизвольно дёрнул левой клешней, и лысый вздрогнул.

– Поверь мне, если бы тебя не вытащили с поля боя, ты бы в лучшем случае стал бы обрубком без рук и без ног стараниями какого-нибудь полевого хирурга, который не стал бы тебя даже спрашивать.

– Неужто ты полагаешь своей лысой башкой, что я стану вас благодарить за эти уродства?! – громко выкрикнул Василий.

Их разговор был прерван заскрипевшим засовом двери. Василий в полной уверенности, что это вернулись солдаты, перевёл взгляд и увидел интеллигентного вида человека в белом халате. У неизвестного была внешность доктора. Волосы с проседью, пышные усы и глаза... Василий взглянул в добрые, улыбающиеся с крохотными морщинками в уголках глаза вошедшего, и ему стало не по себе. Он внезапно почувствовал себя пациентом, самым обыкновенным пациентом, к которому пришёл доктор. Вошедший бросил взгляд на лысого, и тот вытянулся по стойке смирно, затем поправил белый халат, быстро подошёл к ложу Василия и сел в изножье. Оглядев лежавшего с головы до ног, он наклонился и чем-то щёлкнул за правым ухом у Василия. Боль, которая до этого пульсировала тупым гвоздём, прекратилась. Седовласый положил тёплую, даже горячую ладонь на лоб Василия и, обернувшись к лысому, спросил что-то по-немецки. Лысый всё также вытянувшись, начал переводить:

– Герр профессор спрашивает, как твоё самочувствие?

Василий, почему-то смутившись взгляда профессора, пробормотал:

– Вполне сносно...

Услышав ответ лысого, герр профессор одобрительно улыбнулся, и Василию вдруг подсознательно захотелось ему пожаловаться. Пожаловаться, как пациент жалуется доктору на недомогание. Но спохватившись, Василий напомнил себе, что перед ним враги. Тем временем герр профессор, положив ногу на ногу, что-то быстро-быстро заговорил лысому. Тот синхронно переводил Василию, изредка останавливаясь, чтоб перевести дух.

– Герр профессор говорит, что возможно у тебя возникли некоторые вопросы, относительно твоего теперешнего состояния. Он готов в разумных пределах удовлетворить твоё любопытство. Он ответит на твои вопросы, стараясь не использовать специальных терминов.

Василий, собравшись с духом, спросил, глядя в глаза Гера профессора:

– Мне вот тут сказали, что... Что, в общем, меня вытащили из танка. В общем я хочу спросить, я что теперь буду беспомощным обрубком? Ведь вот эти вот железки, это ведь наверно протезы? Так?

Профессор, услышав слова лысого, покачал головой и ответил. Лысый, достав платок, хотел было утереть пот, но молниеносно убрал его, продолжал:

– Герр профессор говорит, что это не протезы, и ты не обрубок. Вообще, ты вполне функционален, чего не сказать о твоих предшественниках. Однако, по медицинским понятиям ты не являешься живым человеком. Твоя новая физиология теперь зависит от функционирования многочисленных вживлённых систем. И в первую очередь новой системы питания.

– Я так и знал. Значит всё таки... Это всё всего лишь усовершенствованные протезы.

Лысый продолжал:

– Стараниями персонала объекта и лично герра профессора, ты стал прототипом новой боевой единицы.

Василий, услышав последние слова лысого, сперва не понял, потом переспросил:

– Прототипом чего?

– По-немецки это звучит как уберзольдат или сверх солдат.

Василий усмехнулся:

– С такими-то культями?

Герр профессор положил руку ему на грудь и совсем отеческим тоном что-то сказал. Лысый синхронно перевёл:

– Герр профессор говорит, что он собрал тебя по кускам, и чтоб ты ему верил. От твоего желания сотрудничать теперь многое зависит. В том числе и твоё будущее. Профессор встал и сказав что-то Василию на прощание вышел.

Лысый перевёл:

– Вот сейчас герр профессор пожелал тебе поправляться. А от себя я добавлю, – и лысый бросил взгляд на смотровую щель в двери, – ты уж не будь дураком. Будь по-покладистее. От твоего поведения действительно зависит твоё будущее. Ты ведь не знаешь, сколько было таких до тебя.

– Вы их что, того?

– Ты бы их сам того. Как ты выражаешься.

– Я не опустил бы до такого.

– Твои предшественники выходили из-под контроля и вели себя хуже зверей. Как безумцы. Даже хуже...

– Ты я вижу, напуган своими воспоминаниями?

– Придёт время, и ты всё узнаешь.

– А что, кроме меня таких много?

– Нет. Пока ты – единственный удачный эксперимент. Ты в ясном сознании, что не сказать о других. Кстати, так на будущее... Выполняй все инструкции герра профессора, а то многие до тебя попросту начинали разлагаться заживо. Жуткая картина, доложу я тебе. Старайся, чтоб так не случилось. Помни о чём я тебе сказал! – лысый, подняв зеркало, кряхтя поднёс его к двери и хотел постучать, но чуть не выронил его. Дверь открылась, и Василий увидел заглядывавших внутрь солдат. Лысый вышел, оставив Василия наедине со своими мыслями.

«Что же это?» – думал Василий, – «как можно во всём этом разобраться? С одной стороны ясно, что я у них в плену, и они из меня все соки выпьют. Всё, что угодно сотворят. Одно радует – я не потерял, надеюсь, боеспособности и при удобном моменте одного-двух хоть

зубами, но уделаю! Только вот стоит ли торопиться с этим? Что такое они говорили о новой боевой единице? Что-то больно сложно. Как я с этими протезами смогу, что-либо сделать? Не понимаю...»

***

Пробираясь по лесу, Шон, наконец, увидел впереди широкий просвет.

– Кажется цель моего марш-броска уже не за горами, – проговорил он и подтянул лямки рюкзака. В самом деле, вскоре он вышел на край леса, за которым в низине располагался германский объект. В том, что это именно он, сомневаться не приходилось. Бункер, а бункером его можно было назвать лишь с очень большой натяжкой потому, что он скорее походил на древний тевтонский замок с башенками и небольшим балконом на торцевой стенке, стоял в низине. С возвышения, где сейчас находился Шон, местность открывалась как на ладони. Перед бункером-замком была небольшая площадь. Дальше, чуть восточнее, видимо, располагался полигон. За ним – вновь начинался лес. Шон сел на траву и развязал рюкзак. Нужно было подкрепиться. Одновременно с этим, Шон изучал секретный объект в бинокль. На площади перед бункером несколько человек в серых робах под присмотром солдат собирали престранное сооружение. Внешне оно напоминало небольшую сцену, но по периметру почему-то было обнесено стальной сеткой. Изучая личный состав гарнизона объекта Шон пришёл к выводу, что кроме вермахта там были и войска СС. Чёрные мундиры то и дело появлялись, давая руководящие указания. Работа над сооружением видно подходила к концу, и людей в серых робах стали загонять в широкие стальные ворота бункера. Шон ещё раз осмотрел сооружение. Высокая сетчатая изгородь вокруг помоста имела два входа с противоположных сторон.

– Что это они готовят? – пробормотал Шон, – глядя как германский солдат на полугусеничном мотоцикле выкатывает небольшую трибуну на колёсиках [5]. На торце трибуны красовалась неизменная для германцев свастика. Теперь Шон отметил, что за работу принялись техники. Это не были прежние люди в серых робах. За этими трудягами никто не надзирал, и они споро трудились, в основном проверяя крепления и надёжность странного сооружения.

Судя по всему, они очень спешили. Своей суетой они с места наблюдения Шона были похожи на чёрных муравьёв, пытающихся одолеть и растащить кучу веток. Наконец, работа была завершена, и техники, собрав инструмент, удалились в бункер. Им на смену вышел строй солдат в чёрных мундирах, которые чётким строевым шагом проследовали к высоким мачтам, стоявшим на площади перед бункером. Разделившись на несколько групп, каждая возле своей мачты, солдаты принялись прикреплять знамёна. Шон покрутил настраивая получше бинокль. Пока изображённого на знамёнах было не разобрать. Но вот солдаты закончили прикреплять полотнища, и те медленно стали подниматься на высоту стальных мачт. Порыв ветра развернул знамёна, и Шон с интересом всмотрелся. Одно из знамён несло на себе традиционную свастику. Это было понятно. Но вот другие... На следующем знамени тонкого шитья лента, обёрнутая вдоль красиво вышитого тевтонского меча, образовывала омегу. Того, что было написано на знамени, вокруг эмблемы, Шон не понимал. Следующее знамя несло на себе не менее непонятную эмблему, в довершение к загадочности надписи вокруг эмблемы были выполнены значками, напоминавшими руны.

– Что же это за подразделение? – Шон знал, что германцы мастаки изображать на своих знамёнах и боевой технике различные знаки, но такое он видел впервые. Солдаты, вскинув руки в нацистском приветствии, построились и шеренгой отошли к северной стене бункера, освобождая место для довольно многочисленного подразделения, которое вышло из ворот бункера. Разделившись на два прямоугольника, подразделения выстроились с противоположных сторон клетчатого сооружения. Шон наблюдал за тем, как солдаты всё выходили и выходили из бункера, удивляясь многочисленному гарнизону секретного объекта. Из раструбов, закреп-

лётных на стенах бункера, зазвучал бравурный марш, и под его звуки из ворот вышли офицеры, большинство из которых были в форме СС, и несколько людей в штатском. Пройдя к трибуне, один из офицеров взойшёл на неё и дождавшись, когда остальные встанут по обе стороны, стал говорить речь. С первыми словами оратора, марш стих. По окончании каждой фразы, солдаты хором кричали «Зиг Хайль!» и вскидывали правые руки. Наконец речь была закончена и марш заиграл вновь. На этот раз из бункера вышел строй людей, одетых, Шон никак такого не ожидал, в рыцарские доспехи. На белых плащах, закованных в броню людей красовались крупные свастики. Подойдя к сооружению в центре площади они встали, будто ожидая чего-то. Из бункера выехали два погрузчика, на которых были закреплены клетки. Шон даже вздрогнул от неожиданности. В клетках были... Он попробовал настроить резкость бинокля получше. Те существа, которые оглашая окрестности диким рёвом бились в клетках, не были похожи ни на животных, ни на людей. Сперва Шону показалось, что это какие-то обезьяны, но потом он понял, что в них присутствовало что-то более человекообразное. Но и людьми их назвать можно было лишь с огромной натяжкой. Они будто бы были скроены из частей разных существ. У одного из них, Шон мог бы поклясться, руки были разной длины. Другой же имел всего один глаз, а на месте второго его голова была будто залатана отвратительного вида заплаткой. Погрузчики, разъехавшись к противоположным входам в клетку, подождали, когда к ним подбегут техники, и медленно присоединили клетки с существами ко входам. Люди в доспехах торжественно извлекли мечи из ножен, и двое из них, подойдя ближе к клетке, рукоятями вперёд бросили их на пол. По команде одного из офицеров, техники освободили существ. Их дикий рёв на мгновение заглушил марш, звучавший над площадью. Одно из существ бросившись на стену клетки, грохнуло изо всех сил рукой по сетке. Сила удара была такова, что клетка ощутимо содрогнулась. Солдаты стали скандировать что-то, их строй дрогнул, и они стали подходить ближе к стенкам клетки. Одно из существ подпрыгнув уцепилось руками за стену и повиснув стало трясти клетку, пытаясь разорвать стальную преграду. Второе, помотавшись из стороны в сторону, наткнулось на один из лежавших на полу мечей, и подняв его размахнувшись рубануло своего товарища по левой руке. Прогремел рёв боли, и второе существо, свалившись со стены клетки, покатилося по полу, разбрызгивая фиолетовую кровь. Существо с мечом в руке, подойдя ближе, занесло оружие над головой, намереваясь посильнее ударить поверженного, но тот уцелевшей рукой нащупал лежавший на полу меч и ударил стоявшего над ним по колену. Пошатнувшись противник всё же не выпустил меч и, несмотря на сильные удары клинком, размахнулся и принялся рубить лежащего соперника. Сверкание окровавленной стали, брызги крови, летящие на пол куски плоти, крики, рёв боли, всё смешалось в голове Шона. Он больше не мог смотреть на жуткий поединок. Опустив бинокль, он тяжело дышал, приходя в себя от увиденного.

– Жуткое зрелище. Интересно, свидетелем чего именно я стал сейчас? – пробормотал Шон, – это ведь были явно не люди, но и не звери. Это что, развлечение такое для поднятия боевого духа германских солдат?

Шон вновь поднял бинокль. Люди в серых робах убирали с арены, залитой фиолетовой кровью то, что недавно ещё было странными человекообразными существами. Офицер в чёрном мундире вновь произносил речь. По его виду было понятно, что подобное зрелище он видит не в первый раз. Солдаты дружно вскинули руки в приветствии, ознаменовав окончание речи, и стройными рядами двинулись в бункер. Шон смотрел, борясь с отвращением, на кровавые носилки, которые несли двое в сером. Один из них споткнулся, и Шон явственно увидел в выпавших на бетон останках существ блеснувший металл. Сперва он решил, что это меч, один из тех, что были брошены на арену перед боем, но присмотревшись он явственно разглядел нечто, напоминавшее человеческий позвоночник. В разрубленной ране было видно, что металлической является только часть костной основы. Из раны торчали также обычные кости.

«Что же это может быть? Существа подвергались хирургическому вмешательству? Но с какой целью? Проводить такие операции на потеху солдатам слишком дорого. Да и нелогично как-то, – подумал Шон, – во всём этом необходимо разобраться».

Он стал вспоминать об отрывочных сведениях, полученных из разных источников о работах, ведшихся на этом секретном объекте. Самые правдивые, и как казалось наиболее реальные, сообщали, что тут ведутся разработки нового типа универсального обмундирования, по своим характеристикам сходного с лёгкой бронёй, способной выдерживать попадание винтовочной пули. Другие же сообщали о совсем фантастических вещах, напоминавших бред какого-нибудь средневекового крестьянина. Командование Шона, отдавая себе отчёт в том, что рано или поздно война закончится, и Красная армия, теснящая германцев по всем фронтам, может получить в своё распоряжение военные разработки учёных Третьего Рейха, решило перехватить инициативу и опередить союзников. Шон, подобно многим агентам и разведгруппам, собирал сведения о секретных разработках германцев. Это его задание было не первым. Но он впервые столкнулся с подобными загадочными вещами.

Тем временем, солдаты покинули площадь перед бункером, оставив только несколько групп для наблюдения за людьми в серых робах, которые разбирали клетку.

***

Мысли Василия были прерваны скрипом засова. В проёме двери появился лысый власовец в сопровождении трех немцев, один из которых был в белом халате.

– Соскучился? – фальшиво улыбнулся лысый.

– С вами не соскучишься... – пробормотал Василий, глядя на тележку, уставленную инструментами, которую толкал один из немцев в чёрном комбинезоне, – а это что будет такое?

– Не бойся, пара процедур. Да, Дитрих? – и он, что-то сказал по-немецки здравому санитару, тот ответил, не глядя на лысого, извлекая какие-то инструменты. Неприятное, мерзкое ощущение зашевелилось в душе Василия при взгляде на блестящие устройства и инструменты, от одного вида которых в мозгу всплывали видения средневековой инквизиции. Василий напрягся, когда Дитрих отстегнул под кроватью цепи, которые сдерживали его клешни. Деловито вытянув цепь, он скрутил её и убрал на тележку, затем схватил какую-то рогатину и, подняв и отведя в сторону правую руку Василия, установил её на рогатину-подлокотник. То же самое он проделал с левой рукой, правда отвёл её не на такое большое расстояние, поскольку слева от ложа Василия была стена. Второй техник, к удивлению Василия, нырнул под правую клешню и принялся, что-то откручивать в стальной подмышке. Дитрих, в свою очередь, то же самое сделал с левой стороны. Одновременно убрав отвёртки, они открыли небольшие люки в теле Василия, и сперва Дитрих, затем второй техник достали оттуда прозрачные небольшие сосуды с прикреплёнными к ним переходниками и патрубками. Сосуды были почти пусты, только на доньшке каждого булькала какая-то зеленоватая жидкость. Василий со смешанным чувством любопытства и ужаса, ведь это было его тело, наблюдал за происходящим. Видя как Дитрих, сказав, что-то второму технику, снял фиксаторы с переходника и отсоединил сосуд со своей стороны, затем перейдя к тележке, достал точно такой же, но только полный, Василий, не поворачивая головы, спросил:

– Слушай, а что это они со мной делают? А? Это что такое, купорос что ли?

– Не паникуй, сейчас Дитрих заменит ёмкости с физиологическим раствором.

– А для чего это?

– А ты что? Не помнишь, что сказал герр профессор относительно твоей новой физиологии?

Василий промолчал, наблюдая, как заменили второй сосуд и большими отвёртками зафиксировали лючки в его подмышках. После этого Дитрих и второй техник, сняв со стальных

рогатин клешни Василия, положили их на ложе и вновь зафиксировали цепью. Дальнейшее вызвало у Василия сложное чувство, скорее всего это была смесь паники и стыда с отвращением. Здоровенный Дитрих, наклонившись над телом Василия, все той же большой отвёрткой отвернул два винта в нижней части стального листа, прикрывавшего нижнюю часть живота. Закончив с винтами, он приподнял лист стали, который, оказывается, имел специальные петли как на какой-нибудь дверце или люке, и Василий не удержавшись, сказал:

– Прямо как капот автомобиля...

Лысый перевёл слова Василия Дитриху и второму технику, и те разразились громким смехом. Всё также смеясь, техник извлёк из тележки с инструментами внушительного вида ёмкость, напоминавшую помесь больничной утки и огромной маслénки, и приладив её под капотом Василия, сказал лысому фразу, которую тот незамедлительно перевёл, ехидно улыбаясь:

– Теперь ты можешь опростаться.

– И без тебя уже понял – сказал Василий, делая своё дело, – а вот как же быть, если я захочу до ветру?

Лысый перевёл сказанное Дитриху и, услышав ответ того, пробурчал:

– Этого тебе уже не придётся делать. По крайней мере, в том виде, как ты это делал раньше.

Василий побагровел и подумал, что за потерю его задницы они все ответят, а вслух произнёс:

– Жаль, а то я так любил это дело.

После перевода его фразы раздался новый взрыв смеха, и Дитрих сказал, что наверное знает, почему именно с Василием эксперимент удался. Возможно дело в том, что Василия освободили от неразделённой любви к его зад. Все вновь засмеялись, а Василий смягчившись заметил, что с удовольствием позаимствует зад у самого Дитриха, на что тот посредством лысого ответил, что это уже будет измена его, Василия, принципам и следует быть однолюбом. Переведя всё это, лысый тихонько сплюнул и сказал от себя, что и Василий и оба немца невоспитанные вонючки.

Закончив с одной естественной нуждой, немцы перешли к другой – к питанию. Достав баллон с коротким шлангом и неким подобием соски на конце, Дитрих сказал, что в следующий раз попросит герра профессора сделать большое искусственное вымя, а сейчас нужно взять в рот эту не очень симпатичную вещь. Василий понял шутку немца и с отвращением взял в рот соску. По выражению лица Василия было видно, что еда не пришлась ему по вкусу, но когда он хотел было выплюнуть соску изо рта, Дитрих сказал, что у Василия нет выбора, и нужно питаться этой физиологической смесью. Василий покорился и выпил положенное количество.

– Пока всё, – сказал Дитрих, – отдыхай, и не тоскуй по своей заднице! Скоро получишь её эквивалент в крупповской броне!

Василий не понял то, что перевёл ему лысый, но криво ухмыльнулся Дитриху, который хлопнув по плечу напарника, укатил тележку с инструментом.

– Слушай, – позвал он лысого, – а что такое ты там говорил о ... Забыл как это называется, убер..., убер...

– Уберзольдат? – помог ему лысый.

– Вот-вот. Что это такое, не объяснишь?

– Дело в том, что я, да и пожалуй никто на объекте всей картины целиком не знает. Единственный, к кому можно обращаться за разъяснениями, так это герр профессор.

– Значит, только он...

– Нет, в очень общих чертах я тебе могу описать, что это такое.

– Валяй!

Лысый покачал головой и сказал:

– Ты вот служил в танковых войсках? Так?

– Ты ведь знаешь.

– Так вот, что такое танк тебе говорить не надо. А вот уберзольдат – это помесь танка и солдата.

– Да ладно!

– И ничего не ладно. Это солдат со сверхвозможностями. Попробуй расспросить герра профессора, но мне кажется, что ты и так скоро всё сам поймёшь.

Лысый удалился, а Василий подумал, что вот таким вот искалеченным он, по-видимому, всё же сможет принести пользу трудовому народу разузнав, что это такое навывдумывали немцы. Разузнает, а потом сбежит. Только вот нужно, чтоб возможность такая представилась.

***

Ганс подошёл к двери, где вместо таблички с именем была прикреплена полоска меди с рядом рун. Поправив мундир, он собрался с духом и постучал.

– Входите, пожалуйста! – раздался приглушённый голос.

Ганс смело открыл дверь и вошёл. С первых же мгновений пребывания в кабинете герра профессора, смелость Ганса уступила место любопытству. Он никогда прежде не был в этом обширном кабинете. Невольно Ганс оглядывал убранство рабочего кабинета профессора. Всё, что находилось в этом помещении, делало его похожим скорее не на кабинет, а на нечто среднее между запасником естественно научного института и палаткой археологической экспедиции. Всю левую стену, от пола до потолка занимали стеллажи с редкостными книгами. Древние фолианты в тёмных кожаных переплётах, носивших на себе следы времени, рукописи, отдельные документы. Ганс заворожённо разглядывал, какие-то древние тексты, с особой заботой укрытые под защитную стеклянную панель. Герр профессор поднял взгляд от документов, которые разбирал, сидя за своим широким письменным столом, и улыбнувшись, видя реакцию юноши, сказал:

– Да, молодой человек, тут есть, чему удивляться. Знаете ли, что вы сейчас рассматриваете?

Ганс взглянул на профессора и вместо ответа помотал головой.

– Это древнейшие тексты Шитро гонпа рандрол, из самого Тибета.

Ганс не в силах оторваться, осматривал теперь второй стеллаж, на котором стоял в окружении древних наконечников копий со свастиками тяжёлый шлем, выполненный в виде головы ягуара. Профессор, проследив взгляд юноши, сказал:

– Знали бы вы, на чей шлем вы сейчас смотрите! – профессор откинулся на спинку высокого кожаного кресла, и две огромные стопки документов, стоявшие на столе, подобно Пизанским башням, угрожающе наклонились. Предметы, которые находились на третьем стеллаже, вообще не поддавались описанию. Тут, правда, было несколько юллейхтеров, но вот остальные вещи... Странные похожие на цветы жезлы, ажурные, выполненные будто из металлической паутины, сферы. Всё это было очень необычно и загадочно.

– Прошу, Вас, присаживайтесь, – профессор указал на свободное кресло перед столом, рядом с которым стоял длинный ящик, выкрашенный зелёной краской. Ганс послушно сел, разглядывая теперь огромного размера двуручный меч, клинок которого практически полностью покрывали скандинавские руны. Справа и слева от меча на стене висели многочисленные фотографии в рамках. Профессор оглянулся и, указав на одну из фотографий, висевших рядом с фотографией Ганса Гербигера, сказал:

– Вот этому человеку и его смелости мы многим обязаны. Эрнст Шефер и его группа, – профессор хотел было указать рукой, но от его неловкого движения одна из Пизанских башен

с документами рухнула к ногам Ганса. Он молниеносно бросился собирать упавшие документы и на половине работы замер, разглядывая необычный рисунок, красовавшийся на листе, выпавшем из папки со штампом Зондеркоманда Х. Опомнившись, он кое-как собрал документы и водрузил их на стол.

Профессор улыбнулся и сказал:

– Вот видите, в нашем деле надо быть очень осторожным. Я хотел бы откровенно поговорить с Вами. Мне доложили, что Вы изъявили добровольное желание участвовать в эксперименте. У меня есть некоторые соображения на этот счёт. Я хотел бы узнать глубинные мотивы вашего желания.

Ганс, не колеблясь ни секунды, вскочил с кресла, одёрнул чёрный мундир и вытянувшись на одном дыхании выпалил давно заученную речь:

– Когда наша доблестная армия, защищая Рейх и идеи великого Фюрера, бьётся на фронтах с врагами германского народа, а великие германские учёные выковывают новое оружие, я хотел бы приложить все свои силы в достижении общей великой цели – победе германского духа над всеми врагами!

– Вы могли бы послужить иным образом, например, так как вы это делали до сих пор.

– Я полагаю, что мой вклад в ваши исследования поможет нашим учёным совершить прорыв в создании нового чудо оружия.

– Вы правильно полагаете, – улыбнулся профессор, – теперь, Вы становясь моим коллегой по исследованиям, должны знать всё. Присядьте, пожалуйста.

Юноша, присел в кожаное кресло, стараясь сдержать нахлынувшее волнение.

– Я расскажу Вам всё о наших победах и о наших неудачах. Более того, я покажу Вам то, что никто, кроме меня и ещё нескольких человек, не видел и не имеет пока права видеть.

– Я благодарен Вам за доверие, герр профессор!

Профессор поклонился и продолжал:

– Вы должны быть в курсе, что прежние наши исследования на добровольцах закончились весьма плачевно. Недостаток знаний, знаете ли... Это пожалуй наиболее главная причина всех провалов.

Юноша кивнул.

– Но я бы не стал наступать вторично на одни и те же грабли. И тем более не стал бы вести исследования в направлении, которое посчитал бы тупиковым. А ведь я был на грани того! Если бы не рейс нашей подводной лодки. Если бы не ценнейший груз, который доставила одна из наших экспедиций.

Профессор встал и, решительным шагом выйдя из-за стола, наклонился и открыл крышку длинного ящика.

Ганс заглянул внутрь и глаза его вылезли из орбит от удивления.

– Герр профессор, да это же...

– Да, мой мальчик, благодаря этой находке, мы перестанем топтаться на месте. Но это ещё не всё! Я проведу для тебя небольшую экскурсию, и после неё ты примешь окончательное решение. Ты согласен?

– Да, герр профессор! – Ганс вновь вскочил с кресла и вытянулся по стойке смирно.

Профессор аккуратно закрыл ящик и сделал приглашающий жест. Ганс вышел из кабинета и посмотрел на часового в комнатке напротив. Профессор тем временем закрыл кабинет на ключ и махнул рукой часовому, который вскинул руку в нацистском приветствии.

– Идём, – похлопал он Ганса по плечу и двинулся по коридору вглубь объекта. Нужно сказать, что объект был разделён на несколько исследовательских отделений, каждое из которых было соединено с последующим двумя коридорами в противоположных концах помещения. Секретность на объекте была такова, что каждая группа работников была приписана к определённому исследовательскому отделу, и на территорию другого никто из сотрудников

зайти не имел права. Первые несколько помещений были довольно обширны и имели бытовое назначение. Столовая, казармы и несколько помещений для научно-исследовательского персонала. Дальше были производственные и опытные помещения. За ними – главная артерия, связывающая секретный объект с внешним миром. Подземный док подводной лодки, которую в шутку персонал называл коровой. Этот док и все связанные с ним системы были просто уникальны. Сама процедура заведения лодки в док не имела аналогов ни в одной стране мира. Сначала из тоннеля, находящегося под водой и связывающего док с открытым морем, по рельсам, проложенным по дну, выезжала восьмиосная тележка с отрядом водолазов, которые при достижении заданной точки размещали на дне световую сигнализацию, видимую с поверхности моря. Лодка занимала необходимое положение, причём необязательно, чтобы её продольная ось совпадала с проложенными по дну рельсами. Главное – чтоб лодка была над тележкой. Затем на тележке поднимали специальный захват-подставку, способный поворачиваться относительно основной тележки в горизонтальном положении. Лапы захвата разводили в стороны, и лодка начинала очень медленно погружаться. Для корректировки совместных действий группы водолазов и экипажа лодки, на корпусе лодки был специальный разъём для связи. Лодка достигала лап устройства захвата, и те вновь смыкались. Если было необходимо, то захват-подставка разворачивала лодку. Затем с лодкой вместе захват опускался и фиксировался на тележке. Окончательная фаза – тележка с лодкой въезжала по подводному коридору в сухой подземный док объекта. Там лодку разгружали, и если нужно – ремонтировали.

Пройдя по железному балкону в сухой док, профессор и Ганс миновали пост охраны и углубились в широкий тоннель. Доступ в первые несколько отделений объекта был практически у всего персонала, включая охрану, но вот в следующий исследовательский отсек допускались не все. Выйдя из тоннеля, профессор и Ганс оказались в просторном помещении, уставленном автоклавами и разнообразными емкостями. В некоторых из них булькала зеленоватая жидкость. В центре заполненного научным оборудованием зала находились три операционных стола, отгороженных от окружающего стеклянными стенками. За одним из столов работала группа сотрудников в белых халатах. Тело, над которым они склонились, было скрыто простыней, лишь руки и ноги виднелись из под белой материи. Один из работавших за операционным столом рослый, почти огромный увидев профессора и Ганса, помахал им рукой.

– Работайте, работайте, Дитрих! Пожалуйста, не отвлекайтесь!

Рослый кивнул, и вновь склонился над столом.

– Пойдёмте, я Вам кое-что покажу и расскажу, – сказал профессор, увлекая Ганса к одной из стен помещения, в которой были устроены ниши, закрытые стальными решётками.

За толстыми решётками находились знакомые Гансу, да и пожалуй всему персоналу исследовательского объекта, существа, как их называли, изделия. Покрытые шрамами, с конечностями разной длины и порой разного оттенка кожи, пятеро существ сидели в нишах, дико скалясь и бессмысленно вращая глазами.

– Вот, Ганс, это известные тебе субъекты, на которых солдаты делают ставки во время так называемых боёв!

Ганс покраснел. Он также как все, при очередном поединке ставил деньги то на одно, то на другое существо, порой пополняя свой запас рейхсмарок, то почти полностью опустошая его. Начальство запрещало этот тотализатор, но не особенно следило за выполнением запрета.

Профессор вплотную подошёл к одной из клеток и положил руку на стальной прут. В тот же момент существо, выпучив единственный глаз, с рёвом бросилось на профессора, но повиснув на цепи, которая тянулась от ошейника к кольцу в стене, вытянуло руки и стало в бессильной злобе сжимать и разжимать пальцы. Профессор даже не отстранился. Он с сожалением и жалостью смотрел на существо. Тяжело вздохнув, он сказал:

– Ты ничего не замечаешь в этих созданиях странного?

Ганс с удивлением посмотрел на профессора, затем на существо, и неуверенно произнёс:

– Герр профессор, если не считать, что все эти существа неестественные и странные, то... То... Я бы сказал... А почему они все в язвах?

– Правильно, мальчик мой! Мы собираем их по частям, так сказать оживляем, хотя они не могут считаться живыми. Поднимаем на ноги и ... Через несколько часов они начинают терять стабильность.

– Простите, герр профессор, что терять?

– Они становятся нестабильны, то есть начинают разлагаться.

– А, понял Вас, герр профессор!

– Поэтому наше руководство и предложило такой вариант утилизации или, если хочешь, развлекательные бои. Хотя я был против этого... Но не важно. Это, можно так сказать, наш первый масштабный эксперимент. Может не совсем удачный, но у нас есть и довольно серьёзные успехи.

Профессор ещё раз взглянул на существ в клетках, потом хотел что-то сказать, но вдруг со стороны операционного стола, где работал научный персонал, раздался звериный рёв, и руки, торчавшие из под простыни принялись биться. Дитрих и все остальные навалились на лежавшего, пытаясь удержать его, а профессор, схватив Ганса за локоть, сказал:

– Давайте не будем мешать эксперименту, – и быстро повёл Ганса к следующему коридору.

Подходя к посту охраны, они услышали у себя за спиной крики. Один за другим прогремели пять выстрелов из Люгера [6]. Ганс оглянулся и увидел лежавших на полу, корчившихся от боли людей в белых халатах и Дитриха с пистолетом в руке, стоявшего над неподвижным телом, будто скроенным из разных по цвету лоскутов кожи.

– Не обращайтесь, пожалуйста, внимания. Я уже говорил Вам, что эксперименты бывают и не вполне удачными... Надо будет потом сказать Дитриху, чтоб фиксировали конечности. – Ну, не будем отвлекаться! Идём дальше!

– Герр профессор, может мне помочь раненым?

– Не волнуйтесь. Там, где находится Дитрих, всё будет в порядке. Это человек с феноменальной реакцией.

Пройдя пост охраны, Ганс и профессор вышли в очередной коридор, который был значительно шире предыдущего, шедший с небольшим уклоном. Ширина этого коридора была вполне достаточна, чтоб по нему мог проехать грузовой автомобиль.

– Видите ли, Ганс, наше начальство не совсем правильно оценивает возможности наших объектов исследования. Но разочаровывать начальство, как Вы знаете, не рекомендуется.

– Знаете ли, герр профессор, мне самому кажется, что эти так называемые изделия, интересны только самим фактом своего возникновения. Они сами по себе, по моему мнению, являются промежуточным звеном, или лучше сказать ступенью на Вашем пути вперёд.

– Вы умница, Ганс, и я Вам кое-что покажу, – с этими словами Ганс и профессор вышли в помещение, куда прежде Гансу вход был закрыт.

Обширное помещение напоминало предыдущее, с той лишь разницей, что в самом центре его находилось... Ганс изумлённо посмотрел на закованное в броню, прижатое к помосту стальными дугами существо. Технический и медицинский персонал работал не переставая. Кто-то подводил гибкий шланг с насадкой к корпусу существа, кто-то специальной аппаратурой тестировал отдельные системы. Вообще, люди были похожи на муравьёв, которые копошатся вокруг гусеницы, стараясь затащить её в муравейник.

– Что это, герр профессор? – проговорил Ганс.

– А Вы не в курсе, что привезла наша корова в последнем рейсе?

– Нет, герр профессор.

– Это молоденькое существо родом из Африки. Теперь от его прежнего вида не осталось и следа. Мы его усовершенствовали, так сказать.

– Неужто тот железный контейнер, который занял почти весь объём коровы, это оно и есть?

– Именно. Существо держали на препаратах, чтоб не проснулось во время путешествия.

Из дальнего угла помещения раздался гул, и кран, перемещающийся под потолком на специальных рельсах, поднял какой-то агрегат. Часть техников расступилась, давая возможность плывущему под потолком к существу агрегату занять надлежащее место.

– А сейчас что происходит?

– Сейчас, на нашего питомца крепят своего рода заменитель мозгов, которых, к слову сказать, в прежней жизни у него и так было мало. Его естественный мозг будет теперь контролировать только жизненные процессы, а об остальном позаботится этот агрегат, который сейчас смонтируют. Ну что? Интересно?

– Да, герр профессор! Это просто потрясающе!

– А знаешь, чем наш малыш будет вооружён? – и профессор указал на зачехлённую авиационную пушку, снабжённую вместительным магазином для снарядов.

Ганс не выдержал, и подойдя к пушке, чуть откинув чехол, погладил воронённый ствол. Его глаза заблестели:

– Вот это орудие, герр профессор! Оно ведь наверно любую броню прожжет! Ведь стрелять оно будет очередями!

– Да, мой мальчик, но самое главное – впереди! Пойдём дальше?

Ганс с готовностью последовал за профессором к высокой металлической лестнице, ведущей на балкон.

– Посмотри ещё раз на малыша и пойдём, – указал профессор на закованную в крупновскую броню, тушу.

Следующий пункт охраны был усилен пулемётным расчётом. Кроме того, в следующий отсек вела уже не такая простая стальная дверь, нет, это была дверь, которая, пожалуй, выдержала бы попадание кумулятивного заряда. Профессор поприветствовал охрану и подождал, когда охранник включит электромоторы открывания двери. Ганс прошёл следом за профессором и оказался в небольшом зале, в центре которого был операционный стол на небольшом возвышении, а в стенах справа и слева были двери, вероятно ведущие в комнаты, подобные больничным палатам. Само помещение напоминало отделение госпиталя. У стен стояли шкафы с медпрепаратами, стойки для капельниц. У одной из дверей стояла каталка. Дверь была приоткрыта, и Ганс убедился, что помещение за ней – самая обыкновенная госпитальная палата. Все двери в отделении были одинаковы, все кроме одной, у которой на посту стояли солдаты с необычным оружием в руках. Оружие это не походило ни на СТГ-44, ни на МП-40, это вообще не было похоже на огнестрельное оружие [7]. Тут Ганс вспомнил, как в столовой один из техников третьей смены говорил, что видел, как вечером на полигоне что-то испытывали. Что-то стрелявшее молниями. Вероятно, это оно и было.

Профессор тем временем подошёл к двери, которая была выполнена из броневой стали и имела смотровую щель. Моментально из соседней палаты выбежал прикомандированный к спецобъекту власовский офицер, исполнявший функции переводчика. Ганс знал, что на объект доставляли заключённых концлагеря славянского происхождения, и поэтому считал, что офицер РОА нужен здесь для работы с ними. Власовец что-то быстро-быстро заговорил профессору, на что тот улыбнулся и сказал, что шутки, если они довольно невинны, ещё никому ничего плохого не делали. Власовец замолчал, а профессор поманил Ганса, освобождая ему место перед смотровой щелью. Ганс заглянул. Это зрелище было уже за всякой гранью реального. В комнате, на ложе лежал гибрид человека и механизма. Ганс внимательно разглядывал неизвестного, который напоминал ему живые рыцарские доспехи.

– Что это, герр профессор?

– А это, мой мальчик, прототип номер один. Этому русскому посчастливилось стать первым суперсолдатом.

Ганс не удержался и спросил:

– А я что стану таким же?

– Нет, мой мальчик, у нас проработаны три альтернативных направления. Сейчас ты видишь так называемый ходячий танк, правда ещё без брони, как всякий танк он довольно тяжел и неповоротлив, но ты должен стать ловким как кошка. Помнишь, что ты видел в моём кабинете? Так вот для этого эксперимента нам нужен только носитель чистой арийской крови. Каковым являешься ты, – профессор по отечески похлопал Ганса по плечу.

– Я готов, герр профессор!

– Я в тебе и не сомневался, мальчик мой! Идём, я покажу тебе твои новые апартаменты.

– А я разве буду размещаться не здесь?

– Нет. Это обычные палаты, а для тебя приготовили комнату отдыха. Она дальше по коридору. Там есть даже небольшая библиотека. В общем, там гораздо уютнее, чем в этих белых стенах.

Профессор и Ганс удалились. Лысый власовец, поглядел им вслед и направился в палату, которую занимал персонал, задействованный в работе с прототипом номер один. Из коридора вышел Дитрих в окровавленном халате и, на ходу расстёгивая пуговицы, вошёл в палату, где лысый расположился на лежанке с книгой в руках. Посмотрев на Дитриха, он брезгливо поморщился:

– А нельзя было снять эту гадость где-нибудь в другом месте?

– А это не гадость. Это, к твоему сведению человеческая кровь.

– Я понимаю, но её вида не переношу, – лысый внезапно позеленел и отвернулся.

– Ладно, извини, – Дитрих скомкал халат и бросил его на дно шкафа, – какие новости?

– Герр профессор инструктирует добровольца. По виду очень правильный мальчик.

– Я видел. Мы как раз... Ну в общем не очень хорошо получилось. Двое – с переломами рук. Один – со сломанной челюстью.

– Кошмар какой-то...

– А как наш подопечный?

– Мне кажется, хандрит.

– Почему? Мне он показался превосходным солдатом. Что называется человек со стержнем в душе. Он ещё такие шутки отмачивает!

– Кому как не мне знать русских! Говорю тебе, он на грани депрессии.

– Это нам совсем не нужно, – Дитрих сел на свободную кушетку и спросил:

– Что предлагаешь?

– Пока не знаю. Нужен положительный эмоциональный заряд.

– Ах вот оно что, – Дитрих потёр огромной рукой подбородок, – кажется у меня есть идея. За одно и сами развлечёмся!

– Ты что задумал?! Если какую гадость, то я побегу за герром профессором.

– Нет, не гадость. Когда по времени нам нужно менять ему блоки?

– Минут через пятнадцать.

– Хорошо. Сиди, читай книжку. Я скоро.

Дитрих извлёк из шкафа чистый халат, усмехнулся глядя на лысого и вышел. Власовец некоторое время сидел, прикидывая, что такое Дитрих затеял, и не следует ли пойти и доложить профессору. Потом попытался сосредоточиться на чтении, но ничего не получалось. Лысый встал, прошёлся по комнате.

– А вот и мы! – в дверях стоял улыбающийся Дитрих, в сопровождении санитарки Хельги.

– Ты что? С ума сошёл что ли?

Доверься, Хельга проверенный человек.

Хельга действительно была на сто процентов проверенным человеком и на все сто процентов соответствовала стандарту германской девушки с идеально чистой кровью.

– Что мне нужно делать? – спросила она, глядя на Дитриха голубыми глазами.

– Ничего особенного. Просто поможешь нам перезарядить нашего солдата.

– Но ведь я не знаю, что с ним надо делать!

– Ничего, просто по моему сигналу, когда я сделаю вот так, – и он показал движение пальцами, – ты должна будешь пошло пошутить. Например, что-нибудь про смену подгузников великовозрастному младенцу.

Хельга даже не покраснела.

– Слушаюсь!

– Идём, только переводи всё слово в слово! – сказал Дитрих, обращаясь к лысому. Позвав техника Адольфа из соседней палаты и сказав ему, что пора подготовить всё для перезарядки суперсолдата, Дитрих в предвкушении потёр руки.

***

Василий, лёжа и брякая от нечего делать цепью, вздрогнул от звука отодвигаемого засова.

Посмотрев на вошедших, он с удивлением заметил среди них медсестру. Началась замена резервуаров под руками Василия. Он терпеливо ожидал, когда техники закончат, но вот Дитрих начал отвинчивать капот Василия.

– Погодите, вы что прям сейчас? Я вроде пока не хочу.

Лысый перевёл. Дитрих хмыкнул и решительно откинул стальную накладку. Василий заволновался.

– Погодите, я может и сам смогу.

Медсестра склонилась, куда ей показал Дитрих, и с ухмылкой что-то сказала. Лысый почему-то покраснел и замотал головой. Дитрих сурово взглянул на него. Тот кивнул головой и перевёл:

– Сейчас мы мальчика ещё и присыпкой припудрим! И подгузник сменим!

Хельга кокетливо взяла утку и склонилась над капотом Василия.

– Ой, да я и сам наверно смогу... – неуверенно проговорил Василий, может и не надо вовсе.

– Надо, надо, – лысый весь красный зло посмотрел на Дитриха, а тот что-то сказал, после чего власовец и вовсе стал цвета клубники.

– Он сказал, что вот лежит мужчина в полном расцвете сил, который теперь ещё хорош и тем, что не портит воздух.

Хельга засмеялась, чуть не вылив содержимое утки и плеснув немного на ноги лысому. Тот подпрыгнул как ужаленный, тряся ботинком.

Теперь уже смеялся Василий.

– Что за цирк вы тут устроили! Всё начальству доложу! Извращенцы! – кричал лысый.

– Ну вот, а ты говоришь, что я воздух портить не могу! Но на кое-что другое-то я способен!

– Одним миром мазаны! – прошипел лысый и перевёл фразу Василия Дитриху.

Хельга достала баллон с соской и, давясь от смеха, элегантно сунула её Василию в рот. Что-то случилось при этом со всеми находившимися в комнате. То ли артистизм, с которым молоденькая медсестра это сделала, то ли физиономия Василия, но что-то спровоцировало всеобщий истерический хохот.

***

Наступил поздний вечер. Объект, соблюдая светомаскировку, продолжал жить своей жизнью. Изредка то ли патрули, то ли какие-то рабочие отряды выходили из бункера и, вооружившись фонариками, отправлялись по своим делам. Шон почувствовал дикую усталость. Слишком много было впечатлений для одного дня. Что-то будет дальше? Лес, на краю которого находился Шон, не обращая на людей никакого внимания, жил по своим законам. Звенели комары, где-то, будто постукивая по тонким палочкам, щёлкала какая-то ночная пичужка. Становилось прохладно, и Шон развернул плащ, которому суждено было стать на несколько ночей его единственным кровом. Гадкие комары, которых тут было в изобилии, его не пугали, так как запасливый диверсант имел в своём арсенале сетку. Устроившись под толстым стволом дерева с относительным комфортом он, кутаясь в плащ подумал, что Майк, возможно, на его месте тихонечко бы закурил, рискуя демаскироваться. Было немного холодновато. Шон не курил. Он просто не переносил этой привычки. Закрыв глаза, он вдруг представил себе, что было бы сейчас очень хорошо оказаться может даже не у себя дома, но хотя бы на своей койке в казарме с любимой книжкой «Три мушкетёра». Ребята смеялись над ним. Кое-кто даже прозвал любителем французов-лягушатников, но он плевать хотел на их мнение. Ему эта книжка нравилась, вот и всё. Постепенно дремота овладевала им, как вдруг в отдалении раздался сперва один, затем другой, затем ещё и ещё выстрелы зенитных орудий.

– Да чтоб вас... Ни минуты покоя! – он пытался понять откуда доносятся звуки выстрелов. Получалось, что воздушному налёту подвергалась артиллерийская часть германцев.

– Достаётся им, – проговорил Шон, с удивлением прислушиваясь и понимая, что гул бомбардировщиков приближается.

– Может повторная аэрофотосъёмка? – решил он, глядя в бинокль и пытаясь понять, сколько самолётов направляется к объекту. Судя по гулу двигателей, самолёт был не один.

Со стороны бункера трижды глухо проревела сирена. Звук сирены был ослаблен толстыми стенами бункера. У стальных ворот бункера погасли крохотные красные лампочки. Где-то далеко продолжали грохотать зенитные орудия.

– А вы, ребята, всё продолжаете соблюдать маскировку... – проговорил Шон, – противовоздушной обороны у вас нет никакой! Можно совершенно спокойно высаживать десант.

Будто в ответ на слова Шона, купол крохотной башенки, придававшей бункеру вид древнего замка, разошёлся, образовав небольшую щель, в которую выдвинулось небольшое устройство, напоминавшее телескоп.

– Не время на звёздочки смотреть, – сказал Шон, с удивлением видя, что где-то на дальней окраине леса, взмывают к небу взрывы авиабомб, – это не аэрофотосъёмка! Они что забыли о проводимой операции?! В небо, в направлении подходившего строя бомбардировщиков взметнулась полоса мощного прожектора. Сперва одна, затем другая, они стали ощупывать ночное небо, то и дело высвечивая летевшие плотным строем бомбардировщики.

– Что толку в ваших прожекторах, если... – Шон не закончил фразу, как из башенки по направлению к ведущему бомбардировщику ударила ослепительная молния. Раздался оглушающий треск и самолёт, ярко полыхнув, стал разваливаться на части. Шон не верил своим глазам, молния, похожая на серебряный цветок в стеклянной трубке, била с интервалом в несколько секунд. Вот правый крайний самолёт, получив удар, разломивший фюзеляж пополам, задел летевшие рядом бомбардировщики, и три машины, объятые пламенем, понеслись к земле.

– Этого не может быть... Бред какой-то... – диверсант убрал бинокль потому, что в нём уже не было нужды.

Яркими факелами падали на землю так и не выполнив своей боевой задачи грозные боевые машины. Заметив в небе несколько белых куполов, Шон вновь схватил бинокль. На фоне тёмного неба была видна фигура в лётной форме. Диверсант старался разглядеть, жив ли человек, как вдруг новая ослепительная вспышка превратила тело пилота в обугленную массу. Шон

опустил бинокль. Он был потрясён. Несколько минут атаки и всё... Это была какая-то фантастика. Такого оружия просто не должно было существовать. Его миссия, с учётом новых только-что увиденных фактов, становилась всё важнее и важнее. Для себя он моментально решил, что не узнав принципов работы этого орудия и не достав хоть какой-то схемы, отсюда не уйдёт. Даже если ему придётся взять кого-нибудь из персонала этого бункера в плен, в качестве источника информации.

Внезапно вход в бункер осветился, и на площадь вышло подразделение солдат. Разбившись на группы, они в полном вооружении цепочками двинулись в лес, куда догорая рухнули обломки бомбардировщиков.

– Судя по всему, спокойный ночлег под открытым небом отменяется, – решил Шон, собирая свои вещи. Наблюдая за ближайшим патрулём, первый солдат которого освещал себе дорогу фонариком, диверсант тихонько двинулся вглубь леса, чтоб избежать ненужного контакта.

***

Вот уже четыре часа медицинский персонал трудился над операционным столом. Внезапно раздавшийся вой сирены заставил профессора вздрогнуть.

– Что это, Дитрих?

– Полагаю, непрошенные ночные гости, – прогудел великан.

– Не говорите загадками.

– Вероятнее всего, герр профессор, это воздушный налёт.

– Когда же наше доблестное Люфтваффе ломает им хребет?!

Что-то глухо, но очень сильно бухнуло, и с потолка посыпалась тонкая струйка пыли. Профессор наклонился и закрыл собой тело Ганса, лежавшего на операционном столе от сыпавшейся штукатурки.

– Ненавижу, когда мне мешают! Когда же они прекратят?! Ведь мы почти всё закончили!

Внезапно Ганс вздрогнул всем телом, напряг руки, прихваченные к столу кожаными ремнями. Профессор, вцепившись в правую руку, пытался удержать её на месте, но неожиданно для всех, Ганс с лёгкостью разорвал кожаный ремень, да так, будто он был сделан из бумаги. Навалившись всем телом, профессор пытался уложить руку на место. Внезапно Ганс вздрогнул и забился в судорогах. В операционной началась суматоха. Кто-то случайно наступил и опрокинул стоявшую на полу кювету, и та с бряканьем отлетела в сторону. Тело, с которым за мгновение до этого боролся профессор, обмякло и бессильно замерло на столе. Дитрих вскочил верхом на бесчувственного Ганса и, прилагая все усилия, стал делать ему массаж сердца. Профессор, подбежав к столику с приготовленными шприцами, выбрал нужный и, вернувшись к операционному столу, сделал Гансу инъекцию.

Капли пота слетали со лба Дитриха и падали на грудь юноши. Внезапно Ганс судорожно вздохнул, открыл глаза и улыбнулся. Дитрих остановился и посмотрел на профессора.

– Какая странная реакция, герр профессор, ему ведь только что делали трепанацию... Впервые такое вижу, – он слез со стола, поправил повязку на голове юноши и приказал санитарам заменить ремень на операционном столе. Ганс спокойно, будто засыпая, закрыл глаза и ровно-ровно задышал полной грудью.

– Кажется, всё в порядке... – Дитрих стянул повязку с лица.

– Заканчивайте операцию. И вот ещё что, не спускать с него глаз! Слышите?! Я буду у себя. Если что – сразу ко мне! – профессор сорвал с себя повязку, затем перчатки и бросил всё в эмалированное ведро. Пошатывающейся походкой, он побрёл по тусклым коридорам к себе в кабинет.

Мимо приветствуя бежали солдаты, профессор вяло отвечал им, практически не обращая внимания на то, что они говорили. Смесь тяжёлой усталости и одновременно беспокойства за результат его работы навалилась на профессора. Бесконечные коридоры закончились, и профессор отпер дверь и вошёл в свой кабинет. Гнетущее чувство не отпускало. Он подошёл к зелёному ящику и осторожно открыл крышку.

– Что же нам ждать? – устало проговорил он, – в положительном результате опыта я уже не сомневаюсь. Всё на этот раз сделано правильно... Но... Что же дальше... Что именно мы получим через несколько дней?

Профессор вновь посмотрел на мумию древнего воина, лежавшую в покрытом зелёной краской ящике. Древние доспехи, оружие. Тяжёлый шлем причудливой формы, но самое главное – это то, что даже невооружённым взглядом было видно, что воин имеет очень существенные различия в сравнении с обычным человеком.

***

Шон скверно выругался, вылезая из попавшейся на пути ямы с водой. При солнечном свете, заметить её и обойти не представило бы труда, но сейчас в полной темноте, да ещё и под угрозой обнаружения патрулём. По расчётам Шона, германцы двинулись прочёсывать северный и северо-западные сектора объекта, но осторожность ещё никому не вредила. Он решил удалиться подальше от возможной зоны патрулирования и переждать. Отжимая штанину, он вздрогнул от звука автоматной очереди. Кашляющий звук МП-40 он знал очень хорошо. Оценив направление, откуда доносились выстрелы, Шон поспешил. Почему-то германцы были не так далеко, как предполагал диверсант. Поправив рюкзак, он побежал, стараясь производить как можно меньше шума. Неожиданно перед собой он увидел вековой дуб с раскидистой кроной. Решение пришло моментально. Кошка с прикреплённым к ней тросом взлетела вверх и утвердилась где-то в кроне дерева. Шон, то и дело оскальзываясь мокрыми ногами по стволу и веткам дерева, всё-таки влез на дуб и, прижавшись к толстой ветке, замер. Где-то севернее что-то кричали по-немецки. Шон не мог разобрать, что именно. Затем вновь послышались выстрелы.

Неужто кто-то из экипажей бомбардировщиков всё таки спасся? – подумал диверсант, вжимаясь в толстую ветку, при виде показавшегося между деревьями фонарика. Это было маловероятно, но германская пальба говорила в подтверждение этой мысли. Патруль шёл прямо к тому месту, где прятался Шон.

«Похоже это не за лётчиками, а за мной...» – мелькнула мысль в голове диверсанта. Осторожно достав пистолет, он снял его с предохранителя и приготовился подороже продать свою шкуру, как вдруг с диким рёвом и визгом на патруль бросилась бурая масса, вылетевшая откуда-то из под кустов. Шон также мало ожидал этого, как и германцы. От неожиданности он чуть не свалился с дерева. Оказывается кабан, дремавший в кустах, был так же как и Шон в оппозиции к германским военным. Поддав одного из солдат, он пронёсся дальше и хотел было развернуться для повторной атаки, но зарокотавшие автоматы заставили зверя метнуться прочь. Пули крошили кору деревьев, а злобное хрюканье неслось уже откуда то издалека. Сбитый с ног солдат стонал, лёжа на земле.

– Эх, Франц, угораздило же тебя! Говорили же тебе, что тут никого кроме свинячьего дерьма быть не может! – сказал один из солдат лежавшему на земле.

– Ой, как же больно! Этот кабан наверно сломал мне ногу!

– А у тебя всё так! То свинья тебя протаранит, то понос у тебя, то девку ты себе такую же свиноподобную найдёшь! – сказал второй солдат.

– Но я же... Я же... Видел что-то, что лезло на дерево...

Ответом солдату был взрыв смеха.

– Ну ты, Франц, олух! Свинья по дереву лазать не умеет!

Шон с ужасом прислушивался как капает с дерева вода с его брюк. Просто оглушительные звуки! А внизу ещё к тому же сухая листва!

– Пойдём, пойдём, бедолага! – оба солдата наклонились и подняли раненого.

– Ой, ой! – раненый принялся стонать, – если доставите меня к доктору, с меня шнапс!

– Само собой, само собой!

Три неясных силуэта двинулись прочь от дерева, на котором вцепившись в кору прятался диверсант. Прошло несколько минут, и причитания раненого перестали быть слышны. Тогда Шон вздохнул с облегчением.

– Не знал, что тут кабаны водятся. Эй, свин! С меня ворох желудей! – прошептал Шон, и тут только заметил, что трос, по которому он влез на дерево, предательски свисает с ветки, – вот я олух! Хорошо, что они не подошли к дереву! Хотя... Может быть подумали бы, что это кабан оставил?

Ещё раз осмотревшись с высоты толстой ветки, Шон осторожно отцепил кошку и, перекинув через ветку трос, спустился вниз. Было мало вероятности в том, что солдаты вернуться к дубу, чтоб продолжить поиски, и диверсант, устроившись у основания ствола, снял ботинки, попытался вытряхнуть из них влагу, затем положил их на землю, пристроил ноги на толстый выгнутый дугой корень и закрыв глаза, вскоре задремал.

***

– Вы опять в полном составе. – Василий приветствовал вошедших немецких техников с медсестрой и неизменного лысого власовца, – какое развлечение меня ждёт сегодня?

– Наш прототип поздоровался с нами? – Дитрих подмигнул Василию, – доброе утро, живая броня.

– Что он говорит? – спросил Василий власовца.

– Здоровается.

– И ему не болеть, – Василий с покорностью ожидал уже известных ему процедур, – слушай, а как мне к тебе обращаться?

– А надо?

– Что-то ты сегодня угрюмый, – Василию переставал нравиться тон власовца. Он поне-много разобрался в ситуации, в которую волей случая попал, и теперь понял, что от его, Василия самочувствия зависят какие-то очень важные исследования немцев. Власовец, по-видимому, был тут мелкой сошкой и большой роли не играл, – слушай, буду называть тебя колобок! Не обидно?

Василий оскалил в улыбке стальную челюсть.

Дитрих переглянулся с Хельгой и спросил, обращаясь к власовцу:

– Почему не переводишь?

Власовец побагровел и начал переводить.

Хельга прыснула, прикрывая пухлые губы рукой в перчатке.

Дитрих с Адольфом принялись менять резервуары в чреве Василия, а тот, наблюдая за работой персонала спросил:

– Вы не слышали анекдот про честного мальчика?

Дитрих выпрямился, с пустым резервуаром в руках, слушая перевод власовца.

– Как-то один мальчик, вступив в пионерскую организацию, решил говорить везде, даже дома правду. Ну вот, придя как-то домой, он подходит к своему деду и говорит: Деда, а деда! А я варенье, которое на кухне, в шкафу стояло, всё съел, а в пустую банку-то нагадил! Дед, услышав это, как всплеснёт руками: Слышь, бабка! Я же говорил тебе, что в банке – дерьмо. А ты всё со мной спорила, что это варенье засахарилось!

– Немцы оценили шутку, а колобок-власовец спросил:

– Интересно, а что нужно оторвать человеку, чтоб он перестал такие сортирные шутки отмачивать?

Василий будто непроизвольно дёрнул правой клешнёй, и власовец, отскакивая, подвернул себе ногу.

– Ой, – сморщился он, потирая рукой лодыжку.

– Что оторвать, говоришь? Я знаю, что и кому нужно оторвать...

– Дитрих, наблюдая за происходящим, спросил власовца:

– Вы видно захотели на передовую? Вы что, не помните, что велел герр профессор? Нужно наладить полный контакт с прототипом. Скоро инспекция! Я буду вынужден доложить.

– Прошу прощения... – проговорил власовец, морщась, – учту. В будущем этого не повторится.

– Надеюсь, – сказал Дитрих, – идите, отдохните. Мы тут как-нибудь сами управимся.

Лысый удалился, хромая и упираясь рукой о стену.

К удивлению Василия, Дитрих после окончания процедур, не стал его приковывать цепью, а сев на ложе Василия, стал поднимать и опускать его клешню, затем показал жестом, чтоб это движение повторил сам Василий.

– Так, хорошо... Теперь ноги. – Дитрих показал на стальные ноги Василия.

– Ты хочешь, чтоб я ногами? Что ж, давай попробуем...

Василий осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям, приподнял правую ногу и согнул её в колене.

– Так?

Дитрих кивнул и указал на вторую.

Заклацали стальные когти, цепляясь за железное ложе Василия, случайно стягивая зацепившуюся простыню и тонкий жёсткий матрас. Хельга подбежала и попыталась помочь, но не смогла поднять стальную ногу Василия.

– Подожди, – остановил её Дитрих. Коснувшись блестящего плеча Василия, он наклонился и, указав на пол, похлопал ладонью по бетону.

– Хочешь, чтоб я встал? – неуверенно спросил Василий. Он почему-то заволновался. А вдруг не получится? Вдруг он после всего, что с ним случилось так и останется способным только чуть-чуть двигать конечностями не вставая? – Ладно... давай попробуем.

Уцепившись за край ложа правой клешнёй, Василий осторожно привстал.

– Уже кое-что... – проговорил он, со стуком ставя стальную ногу на пол. Стук был такой, будто упала гиря.

– Что-то тяжеловато, но...

Дитрих, вопросительно посмотрел в глаза Василию и попытался помочь ему, подхватив под клешню. Это несомненно сработало бы, в случае с обычным человеком, но вес Василия заставил Дитриха напрячься так, будто он поднимал штангу.

– Нет-нет. Я сам, – сказал Василий отдувающимся как паровоз немцу. В дверях показался власовец и увидя, что происходит, хромая вошёл в комнату.

– Ты вовремя, – сказал Дитрих, – спроси у него, всё ли в порядке.

Лысый перевёл, по возможности смягчив свой тон.

– Да, пожалуй, пока всё нормально. Не-не, ты не лезь, я сам! – отрицательно замотал головой Василий, видя, что Хельга хочет тоже поддержать его за левую клешню.

Власовец перевёл сказанное медсестре, и та замерла на половине движения всё равно ожидая момента, чтоб помочь.

– Эх, – Василий поставил на пол вторую ногу. – Вроде сижую.

Дитрих встал, показывая руками приглашающий жест.

– Хочешь, чтоб я встал? – спросил Василий, – не уверен, что получится, но давай попробуем...

Очень медленно, прислушиваясь к своим новым ощущениям, Василий сперва наклонился вперёд, затем распрямился и вот, наконец, встал с ложа в полный рост.

– Молодец, молодец! – похвалил Дитрих, придерживая Василия за правую руку.

Странное дело, но оказалось, что Василий, и прежде бывший не малого роста, теперь превосходил всех, включая великана Дитриха, примерно головы на две с половиной. Глядя на немцев с высоты своего роста, Василий улыбнулся:

– Ну, вроде, порядок. Стою на ногах.

– Нет ли болезненных ощущений? – перевёл лысый слова Дитриха.

– Пока вроде нет. Только голова немного кружится.

Дитрих сказал, что это от длительного лежания.

Василий согнул руки в локтях, подвигал ими, привыкая к своему новому естеству. Дитрих тем временем приказал что-то второму технику, и тот стремглав убежал из комнаты. В проём двери с любопытством заглянул один из солдат охранников. Василий, увидев чёрный мундир, нахмурился и спросил:

– Что мне делать дальше?

Солдата за дверью кто-то толкнул, и он давая проход технику, отскочил в сторону. Василий успел заметить, что оружие у охранника очень и очень странное. Размером больше автомата, но не автомат – это точно. Техник вошёл в комнату, перед собой он катил сваренное из стальных уголков странное сооружение – помесь трибуны на колёсиках и какой-то подставки. Подъехав к Василию, он аккуратно поставил сооружение перед Василием и показал, что за него можно взяться руками.

– Это мне на эту ерундовину нужно опираться что ли? – Спросил Василий Дитриха.

Лысый сказал:

– Дитрих поясняет: это устройство поможет тебе опираться на него при ходьбе.

– Понял, – Василий взялся стальными клешнями за трибуну на колёсиках и сделал первый шаг. Необычное было чувство. Так наверно себя чувствует водолаз в тяжёлом снаряжении. Масса тела и его инерция были непривычны. Василий сделал ещё один шаг, привыкая.

– М-да... – протянул лысый, глядя на осторожные движения Василия, – до боевого применения далековато...

Василий, услышав слова лысого и посмотрев на Хельгу, прикусившую нижнюю губку, толкнул устройство от себя и пошёл вперёд совершенно самостоятельно. Лысый его разозлил, и Василий, дойдя до трибуны с колёсиками, подцепил её правой клешней и, подняв над полом, подхватив другой клешней, напрягшись разломил пополам. Никто, даже сам Василий не ожидал такого. Сварная конструкция с треском разошлась и погнулась. Василий, не останавливаясь, оторвал от неё длинный уголок и, отбросив остальную часть себе под ноги, сжав от напряжения губы, завязал уголок узлом. Новое тело было тяжело, к нему нужно было привыкать, но могло оно очень многое. Василий это почувствовал и понял, что не всё ещё потеряно и где-то подсознательно он почувствовал какую-то звериную мощь и злость. Он ещё поквитается. Он ещё даст бой фашистским отродьям!

В комнату вбежал профессор. Глаза его светились. Он подошёл к Василию и, посмотрев ему в глаза бесконечно добрым и гордым, как показалось за самого Василия, взглядом, похлопал того по стальному наплечнику. Профессор был на две с половиной, а то и побольше, головы ниже Василия, и со стороны эта сцена выглядела довольно комично. Он что-то сказал. Все заулыбались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.